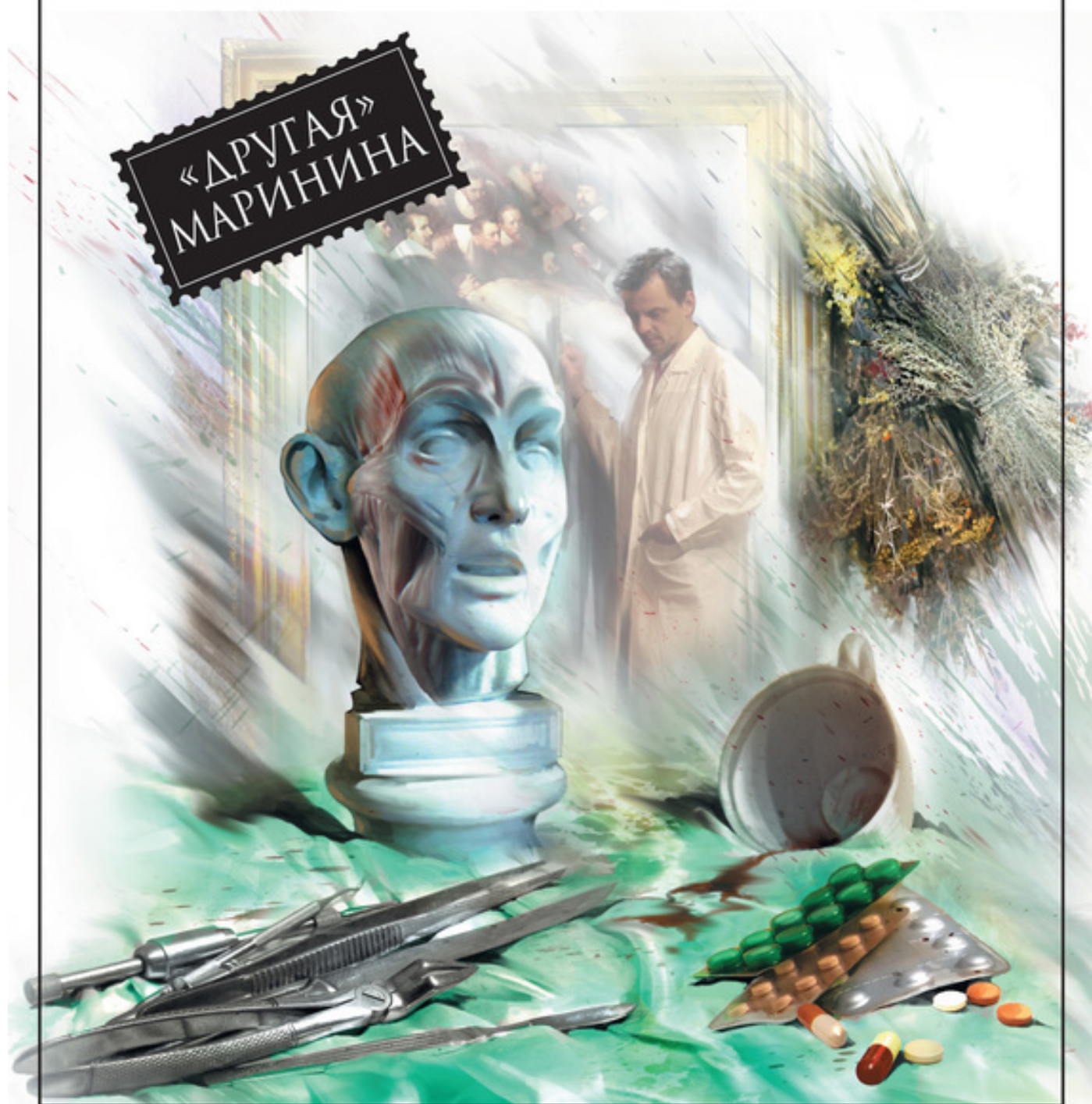

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ОБОРВАННЫЕ
НИТИ

ТОМ 2

Оборванные нити

Александра Маринина
Оборванные нити. Том 2

«Автор»

2012

Маринина А.

Оборванные нити. Том 2 / А. Маринина — «Автор»,
2012 — (Оборванные нити)

Судмедэксперт Сергей Саблин – человек кристально честный, бескомпромиссный, но при этом слишком прямолинейный – многим кажется грубым, с тяжелым характером. Да что там многим – всем, включая родную мать и любимую женщину. Но для врача Саблина истина – главное, на сделки с совестью он не идет, чем бы его ни приманивали и чем бы ни грозили люди, заинтересованные в тех или иных выводах вскрытия...

© Маринина А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть третья	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александра Маринина

Оборванные нити

Том 2

Часть третья

Глава 1

В ночь перед отъездом Сергей не спал. В голове постоянно крутились опасливые мысли: все ли сделал, что необходимо, со всеми ли поговорил, не забыл ли что-то сказать, о чем-то предупредить, все ли взял с собой. Он периодически забывался дремой, но тут же тревога будила и заставляла вновь и вновь перебирать вопросы и искать ответы на них.

В конце концов он встал тихонько, чтобы не разбудить Лену, и вышел на кухню. Чем так мучиться, лучше почитать или посидеть молча, собираясь с мыслями. В самолете доспит, до Северогорска лететь четыре часа, вполне достаточно, чтобы отдохнуть.

Но доспать в самолете не получилось. Четыре передних ряда оказались заняты двенадцатью пассажирами, все остальные места были завалены продуктами – в коробках, мешках и крупноячеистых сетках. Рядом с Сергеем устроился крепкий коротко стриженный мужичок с веселыми глазами и усами, которые задорно топорщились над верхней губой. Мужичок оглядел остальных пассажиров, обнаружил среди них кого-то из знакомых и тут же принялся переговариваться с ним в полный голос через два ряда. Сергей так и не понял, почему он не пересел, если уж так хотел поговорить: рядом с его знакомым было свободное место.

Когда самолет мчался по взлетной полосе, Саблин, глядя в окно, пытался понять, что же он чувствует. Тоску, неизбежную при разлуке с чем-то привычным и давно ставшим родным? Облегчение от того, что хотя бы часть проблем остается здесь, и на новом месте их уже не будет? Равнодушие космополита? В голове крутились строки любимого поэта Саша Черного:

Сжечь корабли и впереди, и сзади,
Лечь на кровать, не глядя ни на что,
Уснуть без снов и, любопытства ради,
Проснуться лет через сто...

Вот именно, сжечь корабли и впереди, и сзади. Пожалуй, эти слова наиболее точно передавали его состояние. Он не увидит в ближайшее время этот город и этих людей, не будет дышать этим воздухом, а когда вернется, все будет здесь иначе. Не может не быть. Потому что все меняется, в лучшую ли сторону, в худшую ли, но обязательно меняется, на месте не стоит. Интересно, как оно будет через... Через сколько лет? Когда он снова окажется в Москве? Через шесть месяцев, когда подойдет время отпуска? «Проснуться лет через сто...» Очень точно сказано, как раз про него, про Сергея Саблина. Возвращаться сюда раньше, чем лет через сто, ему наверняка не захочется. Так только, полюбопытствовать, что же там происходит, пока его нет.

На этой мысли он остановился и прикрыл глаза, собираясь уснуть, однако разговорчивый сосед вовсе не намеревался упускать возможность скоротать время полета приятельской болтовней. Он начал задавать Сергею обычные в таких случаях вопросы и, узнав, что Саблин никогда не был в Северогорске и летит туда, чтобы работать судмедэкспертом, тут же оживился и вызвался просветить попутчика.

– Наш город еще Сталин начал строить, – оживленно рассказывал он, – по его замыслу на Крайнем Севере нужно было построить большой город как промежуточный пункт Северного Морского пути. Город-то построить успели, тем более месторождения и металлообработка там уже были, надо было только в божеский вид все это привести, чтобы перед заграницей форс держать, ну, дома там построить получше, больницы, школы, дороги и все такое. Так вот, город построили, а с железной дорогой обломались, не успели до смерти Сталина, а после его смерти уже и амнистия, и реабилитация, короче говоря, вся рабочая сила, на которую ставку делали, по домам разъехалась. А город-то куда девать? Он же стоит. Ему жить нужно. Так и живет наш Северогорск до сих пор: далеко в стороне от крупных транспортных артерий, до областного центра два часа лететь, до Норильска – почти час. И то летом. А зимой как начинают вылеты задерживать, так вообще никогда не знаешь, сколько времени на дорогу уйдет, можно в аэропорту до трех суток пропариться. Поезда к нам не ходят вообще никакие, только самолет летает. Ну, или пешком, если сильно храбрый или совсем дурной. Железнодорожную ветку все-таки удалось построить после смерти Сталина, но совсем коротенькую, по ней продукция наших заводов транспортируется в речной порт, а оттуда уже Северным Морским путем на огромных баржах и лихтерах доставляется в Архангельск.

Собеседник Сергея оказался работником крупного комбината «Полярная звезда», состоящего из трех огромных заводов и имеющего множество дочерних предприятий. Именно на этом комбинате, как помнил Саблин, и трудился его одноклассник Петя Чумичев.

– Петр Андреич? – в голосе словоохотливого северогорца зазвучало уважение. – Ну а как же, он у нас на комбинате руководит управлением социальных программ. Наши комбинатские на него буквально молятся, душа-человек, обо всех подумает, обо всем побеспокоится. Он знаешь какие «похоронные» установил? Мы горя не знаем!

Саблину, в принципе когда-то знавшему еще из школьного курса географии, что за Полярным кругом царит вечная мерзлота, даже в голову не приходило, что с этим обстоятельством напрямую связана невозможность хоронить умерших в землю на кладбищах. То есть это, разумеется, возможно, но очень и очень трудно, поэтому кладбище в Северогорске было, но очень маленькое, только для тех немногочисленных жителей города, которые не имеют семей на Большой земле или, как принято было выражаться, на материке. Всех остальных покойников отправляли в цинковых гробах туда, куда по окончании контракта вернутся их родные и будут ухаживать за могилами. И вот на транспортировку печальных грузов управление социальных программ выплачивало специальную дотацию работникам комбината, так называемые «похоронные», которые были достаточно велики, чтобы полностью и достойно решить проблему. При прежнем руководстве, состоявшем из бывших «советских» директоров и партийной верхушки города, приватизировавших комбинат, финансовые проблемы не прекращались, объемы добычи руды и производственные мощности сокращать боялись, а готовую продукцию вывозить стало не на чем и некуда – реализация «встала». Руководство и комбината, и города пытались как-то решить вопрос в Москве, но безуспешно. Реализации готовой продукции как не было – так и не было, а без нее нет зарплаты. Нет зарплаты – нет денег на самолет, чтобы не то что родных где-то там навестить или в отпуск на юг слетать, а даже просто уехать из Северогорска к чертовой матери. Не хочет человек здесь жить, нет работы, нет зарплаты, собирается вернуться на материк, а билет купить не на что. Вот так и жили. А потом пришли новые хозяева, перекупившие комбинат у прежних, утративших надежды на благополучное разрешение трудностей. Молодые, образованные, энергичные бизнесмены из Москвы и Питера быстро решили все вопросы, поставили всю организацию производственного процесса и сбыта на новые рельсы, разработали эффективную кадровую и социальную политику, и комбинат быстро восстановил, а потом и превзошел свои прежние позиции. Зарплаты выросли в разы, а налоговые отчисления в городскую казну позволяли поддерживать на должном уровне всю бюджетную сферу города Северогорска.

«Пожалуй, Чума не преувеличивал насчет высокой зарплаты, – думал Сергей, слушая попутчика. – Вот только фразу он кинул нехорошую по поводу того, что нынешний начальник Бюро слишком жаден, когда дело касается производственных травм. Если перевести на русский язык, это означает, что в случаях травмы на производстве комбинат заинтересован в совершенно определенных выводах судебно-медицинской экспертизы, и для того, чтобы эти «правильные» выводы обеспечить, начальник Бюро просит слишком большие взятки. А что будет, если мне и в самом деле удастся дорасти до начальника Бюро? Взятки будут давать уже мне? Или иным каким способом давить? И кто именно? Чуму пришлют на переговоры или силовиков подключат? Мама ведь что-то говорила на этот счет, но мне так хотелось уехать...»

Он попытался провентилировать тему с соседом, но едва речь зашла о травматизме на производстве, тот ловко ушел от ответа и заговорил о том, как трудно привыкать к заполярному климату, к полярному дню и полярной ночи, к перепадам давления, к тому, что все время хочется спать: в полярную ночь из-за постоянной темноты, не дающей взбодриться, в полярный день – из-за постоянного света, который не дает толком выспаться.

Самолет пошел на посадку, стюардесса объявила, что температура воздуха в Северогорске – плюс 14 градусов. Северное лето. Небо было чистым и ярким, светило ослепительное солнце. Сергей посмотрел на часы – половина одиннадцатого. Естественно, вечера. Чума говорил, что поясная разница с Москвой – плюс три часа. Значит, здесь половина второго ночи? Ничего себе! Действительно, одно дело знать про то, что есть такая штука – Полярный день, и совсем другое дело столкнуться с этим воочию. Почему-то Сергей даже не предполагал, что все выглядит именно так, он думал, что полярный день – это что-то вроде белых ночей, которыми он наслаждался в Санкт-Петербурге, уехав туда с друзьями по институту после окончания третьего курса и проведя в Северной столице две недели, наполненные весельем, пивом, девушками и, разумеется, долгими ночными прогулками.

Полярный день совсем не был похож на белые ночи. Ну просто ничего общего.

Выйдя из самолета, он с изумлением увидел по периметру летного поля стену серого слежавшегося снега высотой метра три, а то и четыре. Что это? Лето ведь! Четырнадцать градусов выше нуля!

Разговорчивый попутчик, шедший по трапу следом за Сергеем, усмехнулся.

– Это еще ладно, подтаяло уже, а было метров восемь, когда я в Москву улетал.

Ждать багаж пришлось долго, несмотря на то, что аэропорт был совсем небольшим. Сергей начал уже злиться и кипятиться, когда лента транспортера наконец задвигалась с надсадным жужжанием и принялась выплевывать из нутра грузового отсека сумки, чемоданы и баулы. Схватив свой чемодан, Саблин вышел на площадь. Его должны были встречать.

Встречающий, немолодой кряжистый водитель с огромной плешью и покрытыми седоватой щетиной щеками, помог уложить увесистый чемодан в багажник.

– Я вас сейчас в общагу отвезу, вам там отдельную комнату выделили временно, а утром заеду за вами и поедem в Бюро, а то вы сами не найдете, – сообщил он скрипучим голосом, выдававшим застарелый ларингит.

– А что, так трудно найти Бюро? – удивился Сергей.

В принципе он вовсе не был против того, чтобы его отвезли на машине, но удивила сама постановка вопроса. Все-таки Северогорск – город относительно молодой, ему не больше шестидесяти лет, а то и меньше, значит, строился он по более или менее современному плану, а не разрастался стихийно в ходе исторических перипетий, как Москва. В таком городе топографических проблем быть, по идее, не должно.

– Найти не трудно, – загадочно усмехнулся водитель, – а вот добраться нелегко. Бюро у нас стоит на самой окраине, почти за городской чертой, туда только на автобусе можно доехать, но нужно знать расписание, а то он ходит раз в час. Вовремя не успел – опоздание гарантировано, или частника ловить, деньги тратить. А опаздывать вам никак нельзя.

– Это почему? – заинтересовался Сергей. – В Бюро так строго с дисциплиной? И даже для нового сотрудника в первый день поблажки не будет?

Водитель буркнул себе под нос что-то невнятное и завел двигатель черной «Волги». Сергей с любопытством смотрел в окно, разглядывая тянущуюся справа и слева от дороги бурую равнину, покрытую невысокими холмиками, с немногочисленными белыми пятнами. Сергей даже не сразу догадался, что это нарастающий снег. Постепенно равнина стала сменяться промышленным пейзажем, появились постройки, указатели с загадочными аббревиатурами, кучи ржавого железа. Показались огромные буро-красные кирпичные корпуса какого-то завода с десятками труб разной высоты, из которых валил густой плотный белый дым. В нос ударил потянувшийся из открытого окна незнакомый резкий запах. Сергей закашлялся, водитель чертыхнулся и быстро закрыл окно.

– Чем это пахнет? – спросил Саблин.

– Завод, – коротко и неопределенно ответил молчун-водитель, который за все время, пока ехали от аэропорта, не произнес ни слова. – У нас все заводы такие.

Через короткое время проехали еще один завод, в точности напоминавший тот, первый. Над озером, на берегу которого стояли корпуса, поднимался то ли дым, то ли пар. «Ничего себе экологическая обстановка, – обескураженно подумал Сергей. – Мало того, что постоянно спать хочется и климат тяжелый, так еще и экология... Теперь понятно, за что платят «северные» надбавки и почему здесь мало кто живет постоянно. Долго здесь не выживешь».

Дорога до общежития, где Сергею предстояло обрести первое время, заняла минут двадцать пять. Город показался ему самым обычным, с точно такими же домами, как и всюду – пяти- и девятиэтажными. Единственное, что отличало Северогорск от множества других городов такого же возраста, это деревья – немногочисленные, низкие, кривые, какие-то уродливые. «Недоношенные», – с усмешкой подумал Саблин.

Комната в общежитии, вопреки ожиданиям, оказалась весьма приличной, рассчитанной на четверых, с двумя окнами и большим столом посередине.

– Если хотите, стол можете к стене подвинуть, – сказала милая дама-комендант, показывая Сергею его новые владения, – когда четверо живут, тогда стол должен посередине стоять, чтобы все сесть могли, а вы-то один, вам и у стены хорошо будет. Две койки из четырех мы пока вынесли, чтобы они вам не мешали, а две оставили.

– Но я ведь один, – улыбнулся Сергей. – Можно было и третью койку убрать.

– Ну как же, – заулыбалась комедант, – а вдруг к вам жена придет? Койки у нас тут узкие, вам вдвоем тесно будет, вон вы какой... Мужчина в теле. Вы устраивайтесь, а если что – обращайтесь, моя комната в конце коридора. Кухню вы видели, посуда должна быть своя, у нас общежитской нету, кастрюльки там, сковородки, тарелки – это все ваше. А если чайку горячего прямо сейчас хотите – я принесу.

Он ничего не хотел, кроме одного: выспаться. Три часа ночи. Водитель придет за ним за двадцать минут до начала рабочего дня. На сон оставалось совсем немного.

Он поблагодарил милую хозяйку общежития, вытащил из чемодана несессер, быстро принял душ и почистил зубы в одной из двух душевых, расположенных на этаже, и рухнул в постель.

Ему ничего не снилось.

* * *

Водитель, имени которого Сергей так накануне и не узнал, подъехал за ним к общежитию за двадцать минут до начала рабочего дня. Через четверть часа, проехав по городу, они оказались перед стоящим на отшибе двухэтажным зданием, выкрашенным в желтый цвет. Вокруг не

было никаких жилых домов, и открывался унылый безрадостный вид на все ту же буро-коричневую равнину. Вдали сверкали нерастаявшим снегом вершины высоких обрывистых гор.

Водитель молча вышел из машины и направился к входной двери, Сергей так же молча последовал за ним. Все здесь было непохоже на Московское бюро судебно-медицинской экспертизы. В Москве рядом с моргом всегда было много людей, как родственников умерших, так и похоронных агентов, а также тех, кто торговал ритуальной атрибутикой и принимал заказы на временные таблички, устанавливаемые на могилах до того момента, как пройдет положенное время и можно будет ставить памятник. В Северогорске ничего этого не было, и Сергей вспомнил, что здесь почти не хоронят, это ему объяснял разговорчивый сосед в самолете.

В фойе на первом этаже было тихо, в углу пожилой священник разговаривал с санитаром в зеленой санитарской униформе. Водитель повел Сергея вдоль коридора мимо открытой двери, заглянув в которую, Саблин увидел секционную и притормозил, с любопытством вглядываясь. Здесь ему придется работать, не сразу, конечно, ведь его пока что берут в отделение судебно-гистологической экспертизы, но он все равно будет просить отписывать ему вскрытия, а со временем, как и в Москве, перейдет в отделение экспертизы трупов.

Водитель, ушедший вперед, остановился, обернулся и, не увидев Саблина рядом, вернулся.

– Я осмотрюсь? – полувопросительно произнес Сергей.

Тот молча кивнул и отошел к противоположной стене коридора, подальше от двери. По его теперь уже выбритому, но все равно хмурому лицу было заметно, что близость к секционным столам его совершенно не вдохновляет. Сергей вошел внутрь. Все как обычно. Два стола, две раковины, шланги для смыва, вдоль одной стены длинный стол, на котором лежат специальные валики, используемые для того, чтобы приподнять шею трупа, вдоль другой стены – стол обычного размера со стулом: место медрегистратора, печатающего на машинке протокол. Шкаф. Еще один шкаф.

– Сергей Михайлович, – донесся из коридора голос водителя, – время уже. Пойдемте, а?

Да что они тут носятся с этим временем! Как будто самолет улетает и ждать не будет. Сергей недовольно пожал плечами и вышел из секционной. «Я скоро вернусь», – пообещал он мысленно то ли самому себе, то ли помещению, в котором начинался долгий путь к ответу на вопрос: отчего человек умер.

Поднявшись на второй этаж, они прошли несколько шагов и оказались перед дверью с табличкой «Начальник Бюро судебно-медицинской экспертизы ДВОЯК Г.С.». Войдя в приемную, Сергей увидел совсем молоденькую девушку в белом халате, почти девочку. Она с деловым видом сидела за заваленным бумагами письменным столом, из-за которого ее почти не было видно. Над кареткой электрической пишущей машинки торчала только голова с короткой мальчишеской стрижкой и длинной падающей на глаза челкой. Волосы были рыжевато-каштановые, не очень естественного цвета, сразу видно, что крашенные. «Вот на фига в ее-то годы красить волосы», – мелькнуло в голове у Сергея.

– Света, вот, доставил, – водитель с облегчением перевел дух. – Я не виноват, у меня все вовремя было.

Смысл сказанного до Сергея не дошел. Малышка по имени Света выпорхнула из-за стола и метнулась мимо Саблина к двери в начальственный кабинет, успев бросить на ходу:

– Вам не повезло. Держитесь.

Открыв дверь начальника, она заглянула и доложила:

– Георгий Степанович, новый гистолог прибыл. Пригласить?

После чего распахнула дверь перед Сергеем. Он еще не успел войти, как из кабинета донеслось:

– Сеня здесь? Пусть не уходит никуда, через десять минут в мэрию поедem!

«Значит, молчаливого водителя зовут Семеном», – сделал вывод Сергей и вошел в кабинет начальника городского Бюро СМЭ.

Георгий Степанович Двояк был высоким болезненно худым мужчиной за пятьдесят, с лицом, изборожденным глубокими мимическими морщинами. Было видно, что еще лет десять назад он был необыкновенно красив, и точно так же ясно виден был отпечаток интенсивной алкоголизации. Даже если бы Петя Чумичев не сказал ни слова об этом, Сергей все равно понял бы, что перед ним сильно пьющий человек.

Начальник Бюро вышел из-за стола и протянул Сергею руку.

– Рад, рад, наконец-то, а то у нас с гистологией большие проблемы. Наслышан о вас, вас очень хорошо рекомендовали...

«Интересно, кто? – с усмешкой подумал Саблин. – Уж точно не Куприян и не начальник Бюро в Москве. Петька Чума, что ли?»

– Поэтому я приложил максимум усилий, чтобы организовать ваш перевод к нам, квартиру для вас выбил. Надеюсь, вы меня не разочаруете.

Эти слова действовали на Сергея, как хлыст на строптивого скакуна. «Началось. В чем я должен его не разочаровать? В том, что буду писать нужные ему заключения, за которые он потом будет получать щедрое вознаграждение? Видно, Петька сказал, что я толковый, вменяемый и со мной можно договориться. Ну, погоди, Чума, я с тобой еще разберусь!»

Однако оказалось, что Георгий Степанович Двояк имел в виду совсем другое.

– Вскрывать можете?

– Могу, – кивнул Сергей с готовностью. – Я три года проработал в отделении экспертизы трупов.

– Отлично! – Двояк обрадованно потер руки. – А живых смотреть? На «живом» приеме работал?

– Нет, – признался Саблин. – Только в гистологии и танатологии.

Начальник Бюро как-то вдруг перешел на «ты», и Сергей понял, что ему так привычнее, он из тех руководителей, которые «тыкают» всем, кто ниже по должности, а его вежливость на протяжении нескольких первых минут была натушной и искусственной.

– Вот это жаль, – огорченно произнес Двояк. – На «живых» опять катастрофа, людей нет, а у нас лето – самое время для «живого» приема, светло круглые сутки, соответственно, и народ днем и ночью на улицах. То мордобой, то поножовщина, то пьяную бабу изнасилуют... Ладно, будем думать. Теперь так, Сергей Петрович: то, что произошло сегодня, должно быть в последний раз. Ты меня понял?

– Нет, – ответил Сергей с искренним недоумением.

Он хотел было добавить, что его отчество «Михайлович», а никак не «Петрович», но промолчал. Очень уж интересно было узнать, что же такое произошло сегодня и не должно повторяться впредь.

– Ты опоздал на работу в Бюро на семь минут. У меня тут опоздания не допускаются. У меня дисциплина железная. Первое опоздание хотя бы на минуту – устное замечание, после второго – выговор, после третьего – увольнение. И я не посмотрю, что ты москвич и тебя к нам по большому благу пропихнули, выгоню в пять секунд. То же самое касается ухода с рабочего места до окончания рабочего дня. Ты меня понял, Сергей Петрович?

Сергею стало смешно. Чумичев рассказывал, что начальник Северогорского Бюро регулярно выпивает прямо на рабочем месте и к концу дня частенько лыка не вяжет. И он еще пытается говорить что-то о железной дисциплине?

– Михайлович, – с веселой мстительностью бросил он.

– Что?

Брови Георгия Степановича зашевелились, отражая усиленную работу мысли, и следом за бровями задвигались морщины на когда-то привлекательном лице.

– Меня зовут Сергеем Михайловичем, а не Сергеем Петровичем, – спокойно пояснил Саблин.

Лицо Двояка медленно наливалось тяжелой малиновой краской, на носу явственно проступили сизые прожилки. Теперь все выпитые им литры крепких спиртных напитков стали видны невооруженным глазом. Несколько секунд он неподвижным взглядом смотрел на Сергея, потом заорал:

– Света!!!

Сергей вздрогнул от неожиданности и обернулся на дверь, которая немедленно распахнулась. Рыжеволосая малышка стояла в проеме, не переступая порога, и он отметил, что, несмотря на зычный голос руководителя Бюро, девушка отнюдь не выглядела испуганной.

– Слушаю, Георгий Степанович.

– Почему ты мне неправильно доложила имя и отчество доктора?! – кричал Двояк. – Я для чего плачу тебе полставки кадровика? Чтобы ты документы путала? Доктора зовут Сергеем Михайловичем, а ты мне написала, что он Петрович. Все, хватит, надоело! Твоя расхлябанность меня достала! С завтрашнего дня идешь работать в морг! Я никому не спускаю с рук нарушение трудовой дисциплины! И халатности не прощаю!

Глаза девушки, полуприкрытые длинной рыжей челкой, постепенно становились холодными и какими-то узкими, словно она от усталости опускала веки.

– Георгий Степанович, документы доктора Саблина я положила вам на стол еще вчера после обеда, – сдержанно проговорила Света. – И там все написано правильно. Саблин Сергей Михайлович.

– Где?!! – еще громче заорал Двояк. – Где эти документы?! У меня на столе ничего нет! Ты ничего мне не давала! Ты мне просто сказала, что имя нового эксперта – Сергей Петрович. Слышишь? Петрович! Я это совершенно точно помню.

На лице Светланы отразилась непереносимая скука, словно эта сцена повторялась изо дня в день и успела девушке изрядно надоесть.

– Я положила вам документы Сергея Михайловича Саблина на стол вчера в тринадцать сорок, у меня это зафиксировано в контрольной карточке, которую вы же сами выставили на прохождение приказа о назначении доктора Саблина, – отчеканила она ровным голосом. – Если позволите, я подойду к вашему столу и покажу, где лежат бумаги. Мне их отсюда очень хорошо видно.

«Сколько ей лет? – подумал Сергей, старательно пряча улыбку. – Семнадцать? Девятнадцать? Тоненькая, маленькая, совсем девочка, даже под халатом угадывается детская фигурка с неразвитыми бедрами и грудью, а как держится! Ни один мускул не дрогнул. Похоже, она совсем не боится начальника. Впрочем, она вполне может быть его дочерью или любовницей. Или племянницей какой-нибудь. Поэтому знает, что, как бы он ни орал – ничего не будет. Остынет и забудет, но не уволит и не переведет на работу в морг».

Слова Светы сыграли роль детонатора: Двояк взорвался. Теперь голос его гремел так, что, казалось, занавески на плотно закрытых окнах шевелятся.

– Ты что хочешь сказать? Что я не умею читать документы? Что я не в состоянии запомнить то, что в них написано? Или ты, может, думаешь, что у меня память отшибло и я не помню, какие документы ты мне подавала, а какие – нет? Вон отсюда!!!

Света молча повернулась и вышла, аккуратно притворив за собой дверь.

– Вот так и воюем, – ворчливо прокомментировал Георгий Степанович. – Не наорешь – толку не добьешься. Ну что за народ! Только окрик понимают, только кнутом можно с ними справиться, по-хорошему уже ни с кем не сладишь. Ладно, я поехал в администрацию, Света покажет тебе Бюро, познакомит со всеми, осваивайся, с сегодняшнего дня тебе начнут отписывать экспертизы. Беру тебя исполняющим обязанности заведующего отделением гистологии, завгистологией у нас в декрете, уж не знаю, вернется к нам или нет, но пока декрет – я ее

уволить не могу, и тебя назначить заведующим тоже не могу, так что побудешь пока И.О., а там посмотрим, как себя покажешь. Лаборантки у нас молодые, красивые, так что не вздумай там... Они у меня все замужем.

Сергей хотел было возразить, что он вообще-то тоже не свободен и ни о каких таких «там» не помышляет, но не успел ничего сказать: Георгий Степанович схватил со стола потертую кожаную папку и вышел, не попрощавшись. Сергей, оставшись в кабинете начальника один, растерянно огляделся и направился в приемную. Рыжая Света, завесившись длинной челкой, как вуалеткой, что-то с необыкновенной скоростью печатала на машинке. «Во дает! – невольно восхитился Саблин. – Печатает не хуже нашей Клавдии Осиповны, даже, кажется, быстрее, а ведь баба Клава в медрегистраторах больше сорока лет проходила».

– У вас из-за меня неприятности? – спросил он, любуясь ловкими тонкими пальчиками девушки-девочки, порхавшими по клавиатуре. – Вас действительно могут перевести на работу в морг?

Челка взметнулась вверх, стрекот машинки замер, на Сергея глянули изумрудно-зеленые строгие глаза. И эти глаза отчего-то показались ему усталыми.

– Не обращайтесь внимания, Сергей Михайлович, – тихо произнесла она. – Меня тут каждый день то увольняют, то в регистратуру морга переводят, то еще чем-нибудь грозят, например под суд отдать.

– Под суд? – изумился Сергей. – За что? За какую провинность можно отдать под суд секретаря начальника Бюро СМЭ?

Светлана пожала худенькими плечиками:

– За утрату документов. У нас же документы из уголовных дел, это секретный документооборот. И я к тому же еще и кадровик по совместительству, так что сами понимаете. Есть и что потерять, и за что под суд пойти.

– Как же вы терпите такое обращение? Я бы не смог, если бы на меня каждый день так кричали. Да еще несправедливо.

– Привыкнете, – усмехнулась Светлана. – Все привыкают. Пойдемте, я вам все покажу.

Первым делом Сергей попросил отвести его в танатологию – отделение экспертизы трупов. Завотделением Изабелла Савельевна Сумарокова встретила их, сидя в глубоком изрядно покосившемся кресле с порванной кое-где обивкой. В руке ее дымилась сигарета какого-то крепкого сорта, во всяком случае, так можно было судить по специфическому запаху, который ощущался даже в коридоре еще метрах в трех от двери кабинета. Была Изабелла Савельевна, в отличие от маленькой Светы, роста просто-таки гигантского. Сухощавая, мужеподобная, очень спортивная, с хорошо подстриженными седыми волосами, выдававшими далеко не юный возраст, и грубым лицом, на котором красовались очки в дорогой оправе, она даже не вставая с кресла была, как показалось Саблину, всего лишь на несколько сантиметров ниже его самого, а ведь он всегда считался рослым парнем.

У рабочего стола на офисном крутящемся стуле восседало нечто поистине удивительное, особенно в сочетании с рослой Сумароковой: мужчина примерно одного с ней возраста, но существенно ниже ростом. Над торсом с чрезвычайно выпуклой грудной клеткой красовалась голова, приделанная на первый взгляд прямо к плечам, во всяком случае, шеи видно не было. Сама же голова, украшенная превосходными густыми волнистыми волосами, имела лицо настолько некрасивое и в то же время привлекательное, что невозможно было оторвать от него глаз. Саблин машинально посмотрел вниз, чтобы прикинуть рост удивительного мужчины, и увидел, что стопы мужчины, обутые в элегантные замшевые мокасины, едва касаются носками пола. Правда, справедливости ради надо заметить, что само офисное кресло было поднято на максимальную высоту под рост хозяйки кабинета, но все равно, даже с учетом этой поправки, было понятно: мужчина росточком отнюдь не высок. «Кургузый какой-то», – подумал Саблин.

«Кургузый» и Сумарокова что-то горячо обсуждали, каждый из них держал в руке какие-то исписанные от руки листки, на рабочем столе веером были разложены фотографии и выполненная фломастером схема расположения следов крови на лезвии и рукоятке ножа.

– Приятно, – коротко отозвалась Изабелла Савельевна, когда ей представили нового эксперта-гистолога. – Нам симпатичные молодые мужчины нужны, это придает нашей работе некие элементы светскости, мы начинаем вспоминать, что мы не только трупорезы, но и немножко женщины.

– И не просто женщины, а очаровательные женщины! – встрял «Кургузый». – А я, с вашего позволения, представляюсь сам: Таскон Лев Stanisлавович, эксперт-биолог. Работаю в отделении биологической экспертизы вещественных доказательств. Светочка, душенька, вы позволите, я самолично отрекомендую нашу Изабеллу Савельевну, дабы новый сотрудник сразу получил наиболее полное представление об этой выдающейся личности.

Светлана улыбнулась, и Саблин с удивлением увидел, как смягчилось ее лицо и потеплели глаза.

– Лев Stanisлавович, вы же знаете, что я питаю к вам слабость и не могу ни в чем отказать.

– Уж так и ни в чем? – в голосе эксперта-биолога зазвучали игривые нотки. – Смотрите, душенька, я вас на слове поймаю. И тогда вам не поздоровится.

– Ой-ой-ой, – со смехом протянула рыжеволосая малышка, – напугали ежа голой задницей!

Она бросила веселый взгляд на Саблина и произнесла:

– Прошу прощения за непарламентское выражение. Но Лев Stanisлавович действует на меня, да и на всех сотрудниц нашего Бюро, как-то расслабляюще. Он кого угодно в грех введет. Мы в его присутствии забываем о приличиях, такая вот у него приятная особенность.

Сергей наблюдал эту невероятную сцену, остолбенев. Во-первых, как это кургузое нелепое существо может «расслабляюще» действовать на женщин вплоть до провоцирования их на откровенный флирт? Ну был бы он пусть и немолодым, но красавцем, элегантным, стройным, ухоженным, с мускулистой фигурой – тогда еще ладно, можно было бы понять. Но вот ЭТО?!?! Во-вторых, девочка Света разговаривала языком, абсолютно не свойственным девятнадцатилетним девочкам. Сергей, работая в Московском Бюро, вдосталь наобщался с представителями этого поколения – парнями-санитарами и девушками из секретариата и регистратуры, а также лаборантами и очень хорошо представлял себе, каков их словарный запас и манера выражаться. Да, рыженькая Светочка явно сильно отличалась от среднестатистического представителя этой возрастной когорты. И в-третьих, сам Лев Stanisлавович Таскон, несмотря на множество дефектов внешности, обладал каким-то невероятным притягательным обаянием. Наверное, именно таких людей называют харизматичными. И ведь он еще пока мало что сказал, никак себя особенно не проявил, а Сергею, к его собственному недоуменному удивлению, уже хотелось ему понравиться и подольше пообщаться с ним.

– Итак, – эксперт-биолог сполз с высокого кресла и встал перед сидящей Сумароковой в позе рыцаря, стоящего перед Прекрасной Дамой. – Изабелла Савельевна Сумарокова, руководитель отделения экспертизы трупов, врач первой категории. Ну, то, что она потрясающе красивая женщина, вы видите сами, я мог бы об этом и промолчать. Но вот чего вы не знаете, так это того, что Изабелла Савельевна в прошлом – неоднократная чемпионка России по баскетболу, выдающаяся спортсменка, одна из тех немногих баскетболисток, которые ухитрились все-таки получить высшее образование в медицинском вузе, хотя и поступали далеко не сразу после окончания школы. Ну, сами понимаете: тренировки, сборы, соревнования – все это плохо совмещается с обучением на дневном отделении, так что наша Белочка сперва закончила спортивную карьеру, а потом уже села за учебники и восстановила полученные в школе знания, необходимые для сдачи вступительных экзаменов.

Белочка? Сергей чуть не крикнул. Уж если кого и называть Белочкой, так рыженькую изящную Свету, действительно чем-то напоминающую ловкого грациозного рыже-коричневого зверька. А эта сухощавая мужеподобная немолодая тетка ростом под метр девяносто скорее похожа на отошавшую слониху. И нос у нее длинный...

Изабелла же Савельевна слушала сию тираду с явным и нескрываемым удовольствием, улыбалась ненакрашенными губами, обнажая очень ровные, но явно не искусственные, судя по «прокуренному» слегка желтоватому цвету, зубы. Строгая Света откровенно забавлялась, и ее изумрудные глаза излучали тепло и любовь. Сергей, глядя на эту троицу, все пытался понять, что за отношения связывают их. Кем они приходится друг другу? Ну, Света явно кем-то приходится начальнику Бюро Двойку, в этом сомнений нет. Кургузый Таскон, похоже, крутит роман с завтанатологией, уж больно восхищенными глазами он на нее смотрит и ярких эпитетов не жалеет. Да и вообще, он ведет себя как истинный ценитель женской красоты и любитель скоротечных производственных интрижек с одинокими некрасивыми дамочками, которые так устали от собственной не востребоваемости, что готовы укладываться в постель даже с таким, мягко говоря, не очень видным мужчиной. А уж «отошавшая слониха» Изабелла, которую он называет Белочкой, не стесняясь ни юной Светы, ни совершенно незнакомого ему нового гистолога, и подавно счастлива, что ее хоть кто-то...

Таскон между тем, выдержав драматическую паузу, продолжал:

– И несмотря на занимаемую должность, эта выдающаяся женщина постоянно сама вскрывает трупы, никому не доверяет. А если вскрывает другой эксперт, то проверяет за ним все до последней буквы и до последнего «стекла». У вас в столицах руководители своеручным трупоразъятием, я так понимаю, не балуются? А у нас – изволите видеть.

И все-таки он был невероятно притягателен, этот маленький квадратный человечек.

Но совершенно непонятно, почему рыженькая девочка смотрит на эту нелепую парочку с такой нежностью и любовью. Ну ладно, допустим, Таскон действительно так влияет на женщин, Сергей и сам чувствует неодолимую мощь его обаяния. А Изабелла? Кем она приходится Светлане? Похоже, Северогорское Бюро судмедэкспертизы – это клубок родственных и дружеских связей. Надо будет иметь в виду.

Он собрался было спросить Льва Станиславовича, откуда это выражение – «своеручное трупоразъятие», но в дверь постучали, и вошел врач чуть постарше самого Саблина, лет тридцати пяти – тридцати семи, как определил на глазок Сергей.

– Изабелла Савельевна, у меня вскрытие, а санитар опять труп не подготовил. Ну сколько можно!

Заметив Сергея, он небрежно кивнул ему, изображая приветствие, и продолжал возмущаться. Сумарокова послушала-послушала, да и встала с кресла. Вошедший, стройный и довольно высокий по среднестатистическим меркам, тут же оказался маленьким и жалким.

– Можно ровно столько, сколько вы будете бегать ко мне с просьбами воздействовать на санитаров, – вполне миролюбивым и спокойным тоном ответила она. – До тех пор, пока вы не научитесь организовывать порученные вам вскрытия, вы будете иметь проблемы с подготовкой тел. Вы, коллега, врач – судебно-медицинский эксперт, а не маленький мальчик, вашего авторитета должно хватать на то, чтобы построить правильные рабочие отношения с младшим медперсоналом. Кстати, познакомьтесь, это Сергей Михайлович Саблин, наш новый эксперт-гистолог.

– Филимонов Виталий Николаевич, – эксперт протянул Саблину руку и смущенно улыбнулся. – Можно просто Виталий, без отчества. А говорят, вы тоже вскрывать будете?

Сергей оторопел. Кто говорит? Об этом речь шла только в кабинете у начальника Бюро, и даже Света при этом не присутствовала. Как же он узнал? Неужели от самого Георгия Степановича?

Так и оказалось.

– Мне шеф сказал, мы с ним в коридоре столкнулись, когда он уезжал, – пояснил Филимонов. – Радуйся, говорит, из Москвы новый эксперт приехал с опытом работы в танатологии, будет вскрытия брать.

Когда Виталий ушел, Саблин все-таки задал интересующий его вопрос о «своеручном трупоразъятии».

– Это в какие же времена так красиво говорили? – поинтересовался он у Льва Станиславовича.

– В те давние времена, – тонко улыбнулся Таскон, – когда я еще не жил, хотя, вероятно, глядя на меня, вам кажется, что я видел Петра Первого или на худой конец дедушку Ленина. Поэтому с достоверностью утверждать не берусь, но в 1815 году так совершенно точно говорили.

– В каком?! – ахнул Сергей. – Вы не ошиблись? Может, в 1915?

– Да нет, голубчик, – покачал головой эксперт-биолог, – именно в 1815-м, когда небезызвестный профессор Мухин подал прошение о доставлении в Анатомический театр трупов для занятий со студентами, чтобы каждый студент имел полную возможность упражняться над трупом для изучения анатомии и судебной медицины. Этот документ имел совершенно замечательное название: «Отношение профессора Мухина о доставке кадаверов для анатомического театра». Так вот, я вам сейчас процитирую, что там было написано: «... чтобы студенты непременно и сколько возможно более собственными руками занимались трупоразъятием. Для сего казенных снабдить нужными инструментами, а своекоштных обязать купить их на свой счет. Руководителем в сем случае должен быть адъюнкт и профессор, которым вменить в обязанность показывать способ вскрывания тел скоропостижно умерших и обращать их внимание на предметы, подлежащие судебному исследованию». Что вы так сморите на меня? Вы никогда об этом не слышали?

Сергей действительно не слышал. Еще в средней школе история не входила в число его любимых предметов, уступая естественным наукам – химии, физике и биологии, а когда на цикле по судебной медицине студентам рассказывали историю вопроса, он либо спал, либо откровенно развлекался, читая спрятанную на коленях книгу.

– Неужели судебная медицина существовала уже тогда? – недоверчиво спросил он.

– Уже тогда?! – Таскон расхохотался, а Изабелла Савельевна, закурившая очередную сигарету, фыркнула, поперхнувшись дымом и закашлялась. – Да намного раньше, голубчик вы мой! Намного раньше! Законодательное предписание о приглашении врачей при разрешении судом вопросов, требующих специальных медицинских знаний, было впервые дано в 1714 году «Артикулом Воинским». Там говорится...

Лев Станиславович поднял глаза к потолку, пожевал губами и начал мерно, но с выражением декламировать:

– «...надлежит подлинно ведать, что смерть всеконечно ли от бития приключилась, а ежели сыщется, что убиенный был бит, а не от тех побоев, но от других случаев, которые к тому присовокупились, умре, то надлежит убийцу не животом, но по рассмотрению и по рассуждению судейскому наказать, или тюрьмою, или денежным штрафом, шпицрутенем и прочая.

Того ради зело потребно есть, чтобы коль скоро кто умрет, который в драке был бит, поколот или порублен будет, лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали и подлинно разыскали, что какая причина смерти ево была, и о том имеют свидетельства в суде на письме подать, и оное присягою своею подтвердить».

Сергей слушал, ушам своим не веря. Какая музыка! Какой слог! И главное – как это все можно было выучить наизусть?! Ему показалось, что время остановилось, и он готов слушать эти чудесные слова, эти старинные сложные, непривычные современному слуху обороты еще много часов.

– Потрясающе, – прошептал он. – Какая красота!

– О, голубчик, я вижу, вы ценитель словесности, – одобрительно отозвался Таскон. – Не удивлюсь, если вы окажетесь знатоком и любителем поэзии.

– Любитель, – чуть смущенно признался Сергей. – Но не знаток.

– Что ж, заинтересуетесь историей судебной медицины – милости прошу ко мне, я этот вопрос много лет изучаю, могу порассказать много занятного. Вам будет небесполезно тоже приобщиться к истории. Белочка, так мы с тобой все согласовали, или ты по-прежнему считаешь, что я неправ? – обратился эксперт-биолог к Сумароковой.

Та взяла сложенные на подоконнике листки, пробежала глазами, потом протянула руку к лежащей на столе схеме, покрутила ее задумчиво, склонив голову набок, вздохнула и улыбнулась:

– Ты меня уговорил, Левушка. Признаю твою правоту. Неси заключение, буду акт писать.

Белочка, Левушка... Черт-те что, какой-то семейный дом, а не серьезное учреждение судебно-медицинской экспертизы.

– Ну, коль так, тогда приглашаю вас, голубчик Сергей Михайлович, к себе в отделение на ознакомительную экскурсию.

В сопровождении Льва Станиславовича и Светы Саблин зашел в отделение биологической экспертизы вещественных доказательств, после чего рыженькая секретарь начальника отвела его познакомиться с экспертами-химиками в отделение судебно-химической экспертизы.

Наконец дошла очередь до самого главного – отделения гистологической экспертизы, где Сергею предстояло с сегодняшнего дня трудиться. И не просто трудиться, а руководить отделением, пусть и в должности всего лишь «исполняющего обязанности».

В гистологии по штатному расписанию предусматривались четыре лаборанта, однако в комнате Сергей застал только двоих. Света объяснила, что остальные в отпуске. Аппараты гистологической проводки были старыми, а вместо привычных фанерных планшеток с невысокими бортиками из штапика стеклопрепараты были сложены в многочисленные разноцветные половинки коробок из-под конфет. Эти импровизированные планшетки стояли всюду, на каждом участке свободной поверхности.

– Почему у вас стекла в лаборатории? – требовательно спросил Сергей. – Почему они не в архиве?

Одна из лаборанток подняла голову, оторвавшись от своего занятия, и удивленно ответила:

– Так их еще не смотрел никто.

– Вы хотите сказать, что это все, – Саблин обвел рукой лабораторию, уставленную цветными коробками-планшетками, – готовые стекла, направленные на исследование?

– Ну да, – пожала плечами женщина.

– А направления где?

– Вот там, в папке, – она махнула рукой в сторону небольшой полочки, прикрепленной к стене.

На полочке рядом с регистрационными журналами лежала пухлая черная папка, из которой буквально вываливались небрежно сложенные листы – направления на гистологические исследования.

– И за какой период эти направления? – спросил он, уже чувствуя, что придется ему здесь ох как нелегко.

– За полгода примерно. Перед самым Новым годом наша заведующая ушла в декрет, ну и начались сбои. Она у нас была единственным гистологом, так что с ее уходом все и встало.

Саблин вопросительно посмотрел на Светлану. Она кивнула:

– По «штатке» в отделении две ставки гистологов, одна – заведующего и одна – эксперта, – вздохнула она. – Но должность эксперта вакантна уже давно, трудно найти человека. Вот и нынешнюю заведующую повысили, она раньше просто экспертом была, так испугались, что и она уйдет, и, как только должность освободилась, ее сразу назначили, чтобы удержать.

– Но не удержали, – ехидно заметил Сергей. – И как же вы проводите исследования без гистолога?

– Ну, сначала в патанатомии бросили клич, они у нас стекла смотрели как совместители, а потом платить им стали все меньше и меньше, и они отказались.

– Ничего себе! – присвистнул он. – А как же врачи без гистологии заканчивают заключения?

Обе лаборантки пожали плечами, всем своим видом говоря: «Мы не знаем, это нас не касается, наше дело – стеклопрепараты подготовить, а к экспертной работе мы отношения не имеем».

«Ну, Саблин, ты попал, – подумал Сергей. – Как же ты будешь работать в учреждении, в котором такой бардак? Врачи уже полгода заканчивают экспертные заключения, не имея результатов гистологического исследования. Да, конечно, много случаев, когда прекрасно можно обойтись без гистологии, например смерть в результате ДТП или колото-резаного ранения. И какие там у потерпевшего были особенности в плане здоровья, никакого значения, как правило, не имеет. Если нож попал прямо в сердце, то какая разница, был у человека хронический панкреатит или нет? Но в случае скоростной смерти без гистологии вообще не обойтись. А клинические случаи? А детская смертность? Там весь диагноз построен исключительно на результатах гистологического исследования. Как же они обходятся без него? Жаль, я ничего этого не знал, а то задал бы Белочке Сумароковой пару каверзных вопросов. Ничего, еще успею спросить».

Но ответ на незаданный вопрос дала все та же всезнающая Света, поймавшая взгляд Саблина, устремленный на коробки со стеклопрепаратами, и его недоуменно-недовольную гримасу.

– В самых сложных случаях препараты возят в патанатомию, чтобы кто-то из врачей посмотрел по дружбе. Шеф об этом не знает, и нельзя, чтобы узнал.

– Почему? – не понял Сергей.

– Он очень не любит, когда что-то делается за его спиной и без его ведома, – усмехнулась Светлана. – Бюро – это его вотчина, он здесь и царь, и Бог, и воинский начальник, никто чихнуть без его разрешения не смеет. Ну, вы же знаете про опоздания, он наверняка вам сказал, что на третий раз уволит.

– Сказал, – кивнул Сергей. – Но я все равно не понимаю, почему Георгий Степанович сам не организует просмотр препаратов в патанатомии. Он что, в плохих отношениях со всеми городскими больницами? Не может решить вопрос с заведомыми?

Светлана молча пошла к двери и вышла из лаборатории. Сергей последовал за ней, нетерпеливо ожидая продолжения объяснений такой дикой, на его взгляд, ситуации. Однако девушка, не произнося ни слова, двигалась по длинному коридору, словно летела над полом, легко и быстро перебирая тонкими, как у серны, ножками, обтянутыми узкими джинсиками. Саблин едва поспевал за ней. «Все-таки для девятнадцатилетней секретарши эта девица слишком много знает, – думал он, мчась следом за Светланой в сторону приемной начальника Бюро. – Похоже, она – лицо, приближенное к императору. Или таким приближенным является кто-то из ее близких, кто ее информирует и объясняет все тонкости. Да, совершенно определенно, она чья-то дочка. Может быть, Изабеллы Савельевны? Она с такой нежностью и теплотой смотрела на эту слониху... Или любовница начальника Бюро или кого-то из заведомых? Или даже бери выше – у нее лапа в горздраве или в областном Бюро».

Светлана между тем влетела, как ветерок, в приемную и, подождав, пока Сергей войдет, закрыла дверь изнутри на ключ.

– Все знают, что шеф уехал в администрацию, а это значит, что я могу позволить себе расслабиться, – невозмутимо пояснила она, встретив непонимающий взгляд Саблина.

– Да? И как же вы расслабляетесь? Танцуете на столе неприличные танцы? – пошутил он.

– Занимаюсь йогой, – очень серьезно ответила рыженькая Света. – У меня в шкафу форма и коврик, а больше ничего не нужно. Два-три раза в неделю удается урвать часок-другой для занятий, если обед прихватить, а то дома не получается. Шеф часто уезжает.

Что-то в ее голосе заставило Сергея обратить внимание именно на эти слова. Шеф часто уезжает. В администрацию, как сегодня? В городской департамент здравоохранения? Куда еще? «В ресторан обедать с водочкой», – понял он.

– Сергей Михайлович, я внимательно смотрела ваши документы.

Перемена темы была столь неожиданной, что Сергей поначалу решил, будто ослышался.

– И что? – спросил он после небольшой паузы. – Вы увидели там что-то безумно интересное?

– Я увидела, что вы никогда не занимали руководящих должностей. Начальником не были. И скорее всего, не умеете правильно строить отношения с подчиненными. Мне не по чину указывать вам, как и что вы должны делать, но я хотела бы объяснить, почему я увела вас из лаборатории, не дав закончить разговор. Или мне не нужно ничего объяснять?

– Не нужно, – сердито ответил Саблин.

Конечно, он не учел, что с сегодняшнего дня является начальником этих лаборанток, а руководителю негоже обсуждать с подчиненными действия вышестоящего шефа. Он как-то с самого начала настроился на то, что для него проводят ознакомительную экскурсию по Бюро, поэтому не сориентировался вовремя. Ему сделали замечание, пусть и в очень деликатной форме, но замечаний Сергей не выносил. И особенно противно, что это замечание сделала ему девчонка, соплюшка, только-только со школьной скамьи. Да что она себе позволяет! Думает, ее «мохнатая лапа» выпишет ей пожизненную индульгенцию? Как бы не так. С ним, с Сергеем Михайловичем Саблиным, этот номер не пройдет.

– Но я все-таки хотел бы получить объяснение: как так вышло, что в Бюро нет гистологии, а Георгий Степанович ничего не предпринимает для исправления ситуации, – жестко и холодно произнес он. – Что вообще у вас тут происходит?

Он уселся в кресло для посетителей, закинул ногу на ногу, всем своим видом показывая, что требует четкого и правдивого ответа. Как она сказала? Правильно строить отношения с подчиненными? Вот пусть и посмотрит, как новый завгистологией их строит.

– А вы еще не догадались? – Светлана покачала головой. – Я думала, вас просветили заранее. Дело в том, что наш Георгий Степанович не в состоянии решить ни один вопрос. И не потому, что не умеет, а просто потому, что ему все равно. Нет гистологии – и не надо, обойдемся. Неохота ему задницу рвать и напрягаться, вот он и не напрягается, пока жареный петух в одно место не клюнет.

– А петух, значит, все-таки клюнул, коль он мне вызов пробил? – уточнил Сергей. – И что случилось? Сложный случай, когда без гистологии невозможно закончить экспертизу, а без экспертизы невозможно закончить следствие? И прокуратура встала на дыбы?

Светлана улыбнулась и кивнула, изумрудные глаза озорно сверкнули из-под густой челки.

– Именно. Прокуратура несколько месяцев долбала горздрав, а горздрав пытался долбать шефа, но у шефа крутые подвязки в администрации, так что он никого не боится и на всех плюет. У него свой интерес в этой жизни. А после того случая прокуратура наехала на горздрав уже в полную силу, потому что следствие закончили «на соплях», приговор хромал на все четыре ноги, адвокат подал кассационную жалобу, вышестоящий суд ее удовлетворил да вдобавок устроил разнос нашему городскому суду. В общем, когда к усилиям прокуратуры

еще и оскорбленный в лучших чувствах суд подключился, шефа вызвали в горздрав и велели срочно решить вопрос с гистологией, в противном случае никакие связи в администрации ему не помогут. Вот для этого он вас сюда и пригласил. Ваша задача – вычистить эти Авгиевы конюшни.

Авгиевы конюшни! Она еще и образованная? Совсем странно: явно неглупая девчонка, кое-что почитала в своей жизни, в отличие от ровесников, и речь хорошая, не замусоренная, и голова варит, и выдержка... Откуда же берутся в наше время такие необычные девочки? В каких школах их выращивают?

– Странные вещи вы рассказываете, Светлана. Выходит, Георгий Степанович махнул рукой на порядок в Бюро и на организацию работы. Готов поверить, сам видел таких руководителей, их и в столице полно. Но почему тогда он столь трепетно относится к дисциплине? Замечание, выговор, увольнение – и за какие-то несколько минут опоздания? Откуда эти сталинские репрессии? Не вяжется одно с другим, не находите?

– Чаю хотите? – неожиданно предложила девушка.

– Хочу. Только не думайте, что я забуду свой вопрос. Вам придется ответить.

– Я отвечу, – коротко кивнула она и нажала кнопку на электрическом чайнике, стоящем в углу приемной на тумбочке, из которой Светлана достала красивую черную с золотым рисунком жестяную коробку, заварочный чайник и две чашки.

Сергей молча ждал окончания ритуала заваривания чая. Наконец чашка с ароматным горячим напитком оказалась у него в руках. Поставить чашку было некуда, пришлось держать на весу. «Выдержу паузу, – думал он, наблюдая за Светланой, – не буду напоминать о своем вопросе, посмотрю, что она будет делать, а потом выскажу все, что ей причитается. Чтобы знала, с кем и как можно себя вести».

За ручку двери то и дело дергали со стороны коридора, но секретарь начальника не обращала на это ни малейшего внимания.

Сделав первый глоток чая, девушка прислушалась к чему-то, потом удовлетворенно кивнула.

– Отвечаю на ваш вопрос, Сергей Михайлович. Наш шеф – человек сильно пьющий. Уверена, что вас об этом предупредили. А если нет, то вы наверняка сами это поняли, вы же врач, не могли не заметить.

Он кивнул, ожидая продолжения.

– Об этом давно уже знает все наше Бюро. Иметь пьющего начальника, с одной стороны, крайне неудобно, потому что он не решает вопросы, но с другой стороны – весьма приятно, потому что он самоустранился от руководства и никому на мозг не капает. Особенно удобно это в том случае, если у начальника нет заместителя. А у нас его как раз и нет. Ставка есть – человека подобрать не могут. Пьющие начальники, как правило, ничего не помнят, ничем не интересуются и ни во что не лезут, давая подчиненным полную волюницу. Именно так и случилось у нас в Бюро. И однажды один из экспертов, отвечая на вопрос о том, почему он пропустил сроки, легкомысленно ответил, дескать, зачем ему думать о сроках, если начальник Бюро ничего не помнит и ни о чем не спрашивает. Если дословно, то нецензурную часть я опущу, а цензурная звучала примерно так: «Этот алкаш все мозги пропил давно, он даже не помнит, каким учреждением руководит, вероятно, думает, что баней, в которой если горячая вода есть – то и слава Богу, а люди сами помогут, ими руководить не нужно. Какие сроки, помилуйте? Да он дает указание и через три минуты забывает, что говорил и кому говорил». Это было неосмотрительно.

– Почему? – рассмеялся Саблин. – Шефу кто-то настучал?

– Хуже. Он все слышал. Шел в этот момент по коридору, а дверь в кабинет была приоткрыта. Крик стоял – аж уши закладывало. Вот с этого момента и началось. Шеф действительно ничего в голове не держит, но взял за правило приезжать за десять минут до начала рабочего

дня и строить из себя цербера, который все видит, все сечет и вообще держит руку на пульсе. Это единственное, на что его хватает. На этом процесс руководства нашим Бюро и заканчивается. Дальше – сами. И работаем, и проблемы решаем, выкручиваемся кто как может. При этом шеф не должен ничего знать о том, что проблемы решаются без него и за его спиной, иначе совсем озвереет, и неизвестно, какие еще идиотские формы контроля придумает.

Саблин смотрел на девушку с интересом и недоверием.

– И вы не боитесь мне, совершенно новому, незнакомому вам человеку все это рассказывать? Рисковая вы, однако! – заметил он. – Не боитесь, что я расскажу Георгию Степановичу о том, как вы тут его поносили? Вы же не можете знать, какие у меня с ним на самом деле отношения.

Светлана посмотрела удивленно, потом глаза ее стали равнодушными и холодными, такими же, как утром в кабинете Двойка, когда тот орал на девушку.

– Ну и что? Хотите – идите к шефу, рассказывайте ему, как я выдаю его маленькие гадкие секретки первому встречному. Мне все равно.

– Значит, не боитесь?

– Нет.

– А почему?

– Да потому, что секретиков этих больно много, и все они мне известны. Чего мне его бояться? Пусть он меня боится. Подлить вам еще чаю?

Чай был очень вкусным, какого-то неизвестного Сергею сорта, и он от добавки не отказался. Светлана пошла к нему, держа в одной руке заварочный чайник, в другой – электрический, и слегка наклонила голову, чтобы не промахнуться и не пролить кипятка на брюки Саблина. Солнечный луч упал на ее волосы, и Сергей вдруг увидел обильную седину у корней. Значит, вот почему она красится! Девушка налила чай и подняла голову, и он бросил внимательный взгляд на ее лицо. Морщинки вокруг глаз... Господи, какие девятнадцать?! С чего он это взял? Да ей никак не меньше двадцати семи – двадцати восьми. Совсем не девочка.

– Света, сколько вам лет? – вырвалось у него. – Извините, если мой вопрос показался вам бестактным, но у меня в голове не совмещается ваша внешность ребенка и такая умудренность жизненным опытом.

Она поставила оба чайника на тумбочку и тряхнула челкой.

– Тридцать. А вы подумали сколько?

Тридцать... Как Ольге? Получается, эта девочка всего на три года младше его самого?

– Семнадцать, – признался Сергей. – Потом добавил два года, состарил вас до девятнадцати. Неужели вам действительно тридцать? Вы меня не разыгрываете?

– Паспорт показать? – иронично предложила она. – Я в Бюро работаю уже десять лет, как закончила юридический техникум в восемьдесят девятом году – так и пришла сюда.

Он задумчиво посмотрел на Светлану и покачал головой. Совсем, совсем не девочка. Взрослая женщина. Злая. Гордая. Независимая. Самостоятельная. Смелая. Просто внешность такая...

Да, Саблин, тяжелый у тебя сегодня день... День больших и малых потрясений и открытий.

– Вы проводите меня в секционные? – спросил он. – Я мельком посмотрел одну, но мне хотелось бы ознакомиться с моргом более тщательно.

Светлана молча кивнула, повернула ключ в замке, распахнула дверь и повела Сергея в отделение экспертизы трупов.

– Если хотите побывать на «живом» приеме, то это не сегодня, – сказала она. – Поликлиника далеко, в самом центре города, вам придется туда отдельно поехать.

Сергей понимал, что амбулаторный прием, на котором проводится экспертиза свидетелей и потерпевших, или, иначе говоря, «живой» прием, не должен проводиться в одном помещении с моргом, на этот счет существовали строгие правила. Ну что ж, в другой раз.

Глава 2

Квартиру ему выделили однокомнатную, но в целом неплохую, в доме, построенном в начале девяностых, то есть по меркам застроенного преимущественно «хрущевками» Северогорска, совсем новом, стоящем в самом центре города на месте снесенного здания горкома партии. Это здание про-существовало со Сталинских времен и как-то утратило первозданный торжественный вид. Горком соорудил себе новое роскошное строение, а старое снесли и освободившуюся площадь отдали под строительство дома «улучшенной планировки», вероятно, предназначенного для проживания все тех же работников идеологического фронта и их семей. Дом начали проектировать в 1984 году, потом объявили перестройку, стали меняться кадры, соответственно, постоянно менялся и переутверждался проект, поскольку каждый следующий руководитель из всех сил старался доказать, что он лучше и профессиональнее своего предшественника, и выискивал в проекте ошибки и недоработки. Наконец, к 1989 году, проект утвердили в окончательном виде и стали рыть котлован. Котлован вырыли. И даже дом в конце концов построили, однако конец этот самый пришелся на то время, когда не стало ни горкомов, ни компартии. Дом поставили на муниципальный баланс, часть квартир выделили очередникам, часть распределили, как водится, среди «своих», и еще несколько квартир оставили для предоставления в качестве служебного жилья особо ценным работникам. Стараниями Петра Чумичева к таковым и был отнесен исполняющий обязанности заведующего отделением судебно-гистологической экспертизы Северогорского городского Бюро СМЭ Сергей Саблин.

Приступив к работе, он первым делом начал налаживать контакты с патологоанатомами, перезнакомился со всеми и стал то и дело возить им «стекла» с просьбой проконсультировать. Он всегда помнил, что работа гистолога – это работа исключительно глазами, а глаз штука коварная, никогда нельзя быть совершенно уверенным в том, что ты увидел ВСЕ. Вопрос интерпретации увиденного – это уже другое дело, но хорошо бы, чтобы стеклопрепараты смотрел не один человек, а как минимум двое. Ведь чуть ослабишь внимание, задумаешься о какой-нибудь посторонней ерунде – и все, пропустил то, что пропускать никак нельзя.

Решение кадрового вопроса в централизованном патологоанатомическом отделении центральной городской больницы, единственном в Северогорске, оставляло желать много лучшего. Специалистов не хватало, вакансий было с избытком, и заведующий патанатомическим отделением с готовностью взялся «пробить» вызов для Ольги Борисовны Бондарь. Попасть на работу в районы Крайнего Севера – дело непростое, нельзя взять и приехать в поисках работы. Нужен оформленный определенным образом «вызов» специалиста, то есть его официальное приглашение. Иными словами, городские власти сами принимают решение о том, нужен им конкретный специалист или нет, и если решают, что его следует пригласить, то предоставляют возможность за счет городской казны перевезти контейнер с имуществом весом до 5 тонн, а также гарантируют предоставление служебного жилья – либо комнаты в общежитии гостиничного типа, либо квартиры, если должность, на которую приглашается человек, достаточно солидна.

Завотделением патанатомии сделал все, от него зависящее, Сергей же, со своей стороны, подключил Чумичева, и уже в октябре 1999 года Ольга приехала из Москвы в Северогорск. Квартира ей, конечно же, не полагалась, но комнату в общежитии гостиничного типа она получила.

– Откажись ты от нее, – говорил Сергей, искренне не понимавший, зачем Ольге эта сомнительной комфортности комнатуха. – Все равно ведь ты будешь жить в моей квартире.
– А если нет? – полным иронии голосом отвечала Ольга. – А вдруг не буду?
– То есть как – не будешь? Ты обещала. Мы же договаривались...

– Саблин, я обещала жить с тобой, это правда. Но я не обещала оставаться с тобой, если ты вдруг станешь невыносимым или мы разлюбим друг друга. Мне нужно место, куда я смогу уйти.

– Что ты такое говоришь! – искренне возмущался Сергей. – Почему я должен стать невыносимым? С чего ты это взяла?

– Потому что человек с возрастом не меняется, – смеялась Ольга. – Человек с возрастом усугубляется. Это сказал замечательный писатель Юрий Перов. А я писателям верю. Ты уже сейчас отвратителен, я выношу тебя с огромным трудом и только потому, что люблю. Но со временем ты станешь еще хуже, и тогда, вполне возможно, моя способность выносить тебя начнет пробуксовывать. Ну и потом, ты же можешь разлюбить меня и бросить, полюбить другую женщину. Что мне, на улице оставаться? Или ты предложишь мне жить вдвоем?

– Что за бред! – кипятился Сергей. – Почему я должен тебя разлюбить!

Ольга хохотала или невозмутимо пожимала плечами, в зависимости от настроения, но отвечала каждый раз одно и то же:

– Или я тебя разлюблю. Тоже вариант.

В середине декабря отметили очередной день рождения Сергея – тридцать три стукнуло, хотели посидеть вдвоем: все-таки это был первый его день рождения, который он мог провести вместе с Ольгой. Но звонок в дверь нарушил все планы: на пороге стоял улыбающийся Петя Чумичев с огромными пакетами в руках.

– Трудно жить на свете пионеру Пете! – громогласно заявил он прямо с порога.

– Бьет его по роже хулиган Сережа! – радостно откликнулся Сергей.

Этим незамысловатым четверостишием они приветствовали друг друга класса, наверное, с шестого. Петр Андреевич и на этот раз не забыл памятную дату, и Сергею это отчего-то было приятно. Петя с ходу принялся ухаживать на Ольгой, плотоядно причмокивая языком и приговаривая, что вот теперь он понимает, за кого просил его друг Серега и почему он с такой легкостью согласился уехать из Москвы.

– Да ради счастья жить с такой женщиной я бы не то что на Крайний Север – я бы в пустыню рванул, где, кроме песка и верблюдов, ничего нет! – повторял он, раскладывая на столе принесенные деликатесы.

Потом несколько подуспокоился и после трех-четырех выпитых рюмок дал увести себя с опасной стези ухаживания за чужой женщиной на вполне комфортную тропинку обсуждения дел в бюро судмедэкспертизы.

– Чума, я все-таки не понял: почему у Двояка нет заместителя? Ставка-то есть. Неужели трудно человека подобрать?

– Нетрудно, – с готовностью согласился Петр, – но тактически неправильно.

– Поясни, – потребовал Саблин.

– Каждый руководитель стремится привести свою команду, это прописная истина. Жора Двояк долго в начальниках Бюро не останется. Он на этом месте сидит только до первого серьезнейшего прокола, после которого его задницу уже прикрыть невозможно будет даже силами администрации. Или до того момента, пока эти «прикрыватели задницы» из администрации не исчезнут. Одно из двух. И ждать сего сладостного мига уже не очень долго. Новый начальник Бюро захочет взять замом «своего» человека, и надо предоставить ему эту возможность. А если должность будет занята, то могут возникнуть трудности. Так что пусть лучше Жорик пока в одиночку помается, он всё равно ни фиги не делает, что с замом, что без зама. А уж потом, когда нормальный начальник придет, мы ему поможем и заместителя себе толкового организовать.

Чума почему-то ни словом не обмолвился в этот раз о том, что прочит на должность начальника Бюро именно Сергея Саблина. Но по тому, как он поглядывал на бывшего одноклассника, было понятно, что со своей идеей он не расстался.

* * *

Они прожили зиму в практически пустой квартире Сергея, ожидая истечения шести месяцев со дня его назначения на должность: через шесть месяцев ему полагался отпуск. Жить без холодильника, стиральной машины, утюга, пылесоса и прочей столь привычной и необходимой бытовой техники было трудно, Сергей злился и через два дня на третий ставил перед Ольгой вопрос ребром: быстро приобрести все необходимое здесь, в Северогорске. Путь для этого было всего два. Можно было купить в магазине, заплатив в два, а то и в три раза дороже, чем в Москве, а можно было практически за бесценок приобрести с рук у тех, кто отъезжал «на материк» и в срочном порядке распродал свое имущество. Сергей, отдавший в общей сложности шесть лет своей жизни работе в реанимации, не был ни требователен к особому комфорту, ни брезглив, однако в этом вопросе Ольга стояла насмерть: только новое. Все-таки кое-что из «секонд-хенда», вроде дивана и стола с двумя стульями, в их жилище появилось, но без этого уже совсем невозможно было обойтись. Прочие же потребности терпеливо ждали своего удовлетворения до того времени, как Сергей поедет в отпуск в Москву и отправит оттуда контейнер.

Сергей ужасно не хотел ехать в Москву один, он предлагал Ольге подождать, пока подойдет время ее отпуска, поехать вместе и вместе же выбрать и купить все необходимое, но она идею не поддержала.

– Саблин, ты семейный человек, у тебя в Москве жена. Она наверняка захочет помочь тебе сделать покупки, она ведь женщина, а какая женщина сможет остаться безучастной, когда ее муж будет покупать для себя стиральную машину или микроволновку? Лена захочет поехать с тобой по магазинам, и как ты собираешься выкручиваться, если я буду в Москве в это время и мы с тобой договоримся покупать все вдвоем?

Сергей дулся, замолкал обиженно, но не мог не признать, что Ольга права. Лена действительно захотела принять посильное участие в обустройстве нового жилища мужа, с энтузиазмом ездила вместе с Сергеем по магазинам, терзала продавцов-консультантов бесчисленными вопросами и всячески демонстрировала горячую заинтересованность в том, чтобы у мужа на Крайнем Севере было все самое лучшее из недорогого и самое недорогое из лучшего. Дома она проявляла супружескую преданность, вместе с Верой Никитичной готовила каждый день что-нибудь особо вкусное, а по ночам дарила Сергею возможность вспомнить самые яркие и волнующие моменты из их прошлой сексуальной жизни. Заработанных за полгода денег хватило не только на запланированные покупки и на то, чтобы оставить Лене приличную сумму, но и на подержанный персональный компьютер, о котором Саблин давно мечтал. За время отпуска он несколько раз выезжал с Дашенькой на дачу то к родителям, то к друзьям, учил девочку ходить на лыжах и лепить снеговиков с морковкой вместо носа и детским ведерком на голове. Одним словом, уезжал он из Москвы вполне довольным. Не зря он пустился в авантюру с Северогорском, риск себя полностью оправдал. Лена счастлива, что он не путается под ногами, но в то же время наличествует и даже деньги присылает, Дашка растет веселой и здоровой девочкой, родители в полном порядке, все вещи по составленному вместе с Ольгой списку куплены, контейнер отправлен. И пусть он придет в Северогорск только месяца через полтора-два, а то и все три, он же когда-нибудь придет! И начнется у него новая удобная и спокойная жизнь, в которой будут осознание выполненного перед семьей долга, любимая работа и любимая женщина. А что еще нужно для счастья?

* * *

Северогорское Бюро судебно-медицинской экспертизы по документам именовалось «филиалом областного Бюро СМЭ». Однако до областного центра было далековато – два часа самолетом, а городской бюджет Северогорска позволял полностью финансировать работу судебно-медицинских экспертов, так что от областного Бюро северогорцы практически не зависели. Из области осуществляли только научно-методическое руководство, да иногда приезжали с инспекцией комиссии, которые, по сути, являлись прогулкой с рыболовно-алкогольными затеями. В областном центре был и мединститут с кафедрой судебной медицины, посему научный потенциал экспертизы считался, и считался, надо заметить, вполне справедливо, более высоким, чем в Северогорске, поэтому зачастую следователи и судьи назначали экспертные исследования именно в областном центре, особенно когда дело касалось случаев, по которым на местных экспертов могло оказываться давление со стороны заинтересованных лиц.

Некоторое время назад северогорские эксперты допустили ряд серьезных ошибок при проведении комиссионных экспертиз, и в результате разразившегося скандала на областном уровне было решено запретить Северогорскому Бюро СМЭ проводить этот вид экспертиз, а соответствующее отделение в Бюро ликвидировать. С тех пор все комиссионные экспертизы проводились только в областном Бюро, что немало разочаровало Саблина: комиссионные экспертизы, как правило, предусматривали большой объем работы с медицинской документацией, и в этой работе Сергей чувствовал себя вольготно, как рыба в воде. Ему нравилось разбирать корявый торопливый почерк врачей, делать выписки, сопоставлять результаты исследований и диагнозы, анализировать, и, зная эту его особенность, в Москве его постоянно включали в состав комиссий экспертов, среди которых у Саблина появился определенный авторитет. Он очень рассчитывал на участие в комиссионных экспертизах и в Северогорске, похвалы были необходимы ему, как воздух, а в том, что он эти похвалы заслужит, работая с медицинскими документами, он ни минуты не сомневался. Однако надежды не оправдались.

Сергей с энтузиазмом взялся за работу в гистологическом отделении, дневал и ночевал на работе, то и дело засыпая прямо над микроскопом, прижавшись закрытыми глазами к наглазникам окуляров. Он все время хотел спать, потому что постоянный свет незаходящего, а только слегка спускающегося по небосклону и тут же снова поднимающегося солнца не давал уснуть. К середине осени стало легче, свет уже не мешал, основные завалы оказались вычищенными, просроченные гистологические исследования, давно ожидавшие своей очереди, проведены, со «стеклами» наведен относительный порядок, текущая работа выполнялась в срок. Первые полгода, до самого отпуска, Саблин пахал, как ломовая лошадь, с ужасом понимая, что катастрофически «садится» зрение, но остановиться не мог.

При исследовании залежей запасных частей и принадлежностей к аппаратуре, за долгие годы скопившихся на складе Бюро, он обнаружил комплект приставки к оптическому микроскопу для исследования микропрепаратов в поляризованном свете. По непонятным причинам эта приставка не была установлена и использована на хорошем «ломовском» микроскопе, оставшемся от ушедшей в декретный отпуск заведующей отделением. Видимо, коллега либо пренебрегала этим методом микроскопической диагностики, либо вовсе не владела им, хотя метод был далеко не нов, детально разработан и описан в специальной литературе еще в конце 70-х годов и успешно использовался для микроскопической диагностики ранних болезненных изменений в тканях и органах, недоступных для обнаружения методами обычной микроскопии.

С сотрудниками ему повезло: из четырех лаборантов трое были, несмотря на относительную молодость, очень опытными и добросовестными, дело свое знали досконально и выполняли отлично. Четвертой была молодая девочка, недавно закончившая медучилище, но под

влиянием своих более опытных товарок искренне интересовавшаяся тем, что делала, и охотно набиравшаяся знаний. Двойка не обманул: все четыре женщины действительно были хороши собой, каждая по-своему, являя различные, такие непохожие друг на друга варианты красоты, и славянской, и азиатской, и кавказской. И в том, что Саблину удалось за столь короткий срок наладить работу отделения, была огромная заслуга и четырех самоотверженных лаборанток.

Единственное, с чем Саблин не желал мириться, так это с их любовью посплетничать и поболтать о предметах, не относящихся к работе. Работе это, правда, не мешало, но Сергея раздражало. Особенно оживленными становились эти разговоры во время перерывов на чай или на обед. В уголке тесной лаборатории притулился колченогий столик, за которым лаборантки пили чай или кофе и поедали принесенные из дома бутерброды или еду в пластиковых контейнерах – какие-то салатики, холодную вареную картошку или цветную капусту, котлеты. Здание Бюро стояло на отшибе, никаких заведений общепита поблизости не было, и проблему питания во время обеда каждый решал на своем рабочем месте в меру собственной фантазии, вкуса и состояния здоровья.

Однажды Сергей зашел в лабораторию, когда дамы-подчиненные пили чай, и увидел на столике полиэтиленовый пакет, полный пирожков самой разной конфигурации: квадратных, треугольных, овальных и круглых.

– Сергей Михайлович, угощайтесь! Пирожки знатные!

Он был голоден, поэтому взял наугад квадратный пирожок. Он оказался с мясом и был действительно необыкновенно вкусным. Второй пирожок, на сей раз овальный, был с капустой.

– И вправду знатный! – улыбнулся Саблин. – Горжусь тем, какие умелицы у меня работают. И кто же это у нас такие пироги печет? Вы?

Он посмотрел на самую старшую из лаборанток, сорокадвухлетнюю Ниночку, славившуюся своей домовитостью и любовью к кулинарии. Нина засмеялась и отрицательно покачала головой.

– Что вы, Сергей Михайлович, куда мне! Уж на что я мастерица по выпечке, это правда, но такое тесто у меня никогда в жизни не получалось. Это Таскон угостил. Он нас часто угощает, когда его Лялечка затевает большой пирожковый день. Правда, она в основном для Изабеллы Савельевны старается, все носит с идеей ее подкормить, но ничего не получается.

Лаборантки дружно расхохотались, но причина смеха пока оставалась для Сергея загадкой. Кто такая Лялечка? Почему она старается для «отощавшей слониhi» Сумароковой и почему результаты этих стараний приносит в Бюро эксперт-биолог Таскон? Отсмеявшись, дамы наперебой поведали своему заведующему о том, что Изабелла Савельевна много лет дружит с женой Льва Станиславовича Таскона, они подружки – неразлейвода, и вот Лялечка хочет, чтобы Изабелла Савельевна хоть немножко прибавила в весе и округлилась, поэтому каждый свободный день посвящает выпечке, которую биолог добросовестно носит в Бюро. А Изабелла ест – и хоть бы что! Ни на грамм не поправляется. Печет Лялечка щедро, помногу, поэтому Лев Станиславович в «большие пирожковые дни» является на работу с огромной сумкой и, накормив первым делом Изабеллу, остальное разносит коллегам.

– Вот ведь обидно, Сергей Михайлович, – огорченно говорила одна из лаборанток, страдающая лишним весом, – чуть кусочек себе позволишь – моментально плюс сантиметр на талии или плюс полкило на весах, а Сумарокова ест и нахваливает, а мослы как торчали – так и торчат. И за что ей такое счастье? Мне худеть надо, у меня личная жизнь, а ей зачем?

– И то правда, – подхватила Ниночка, – у Изабеллы Савельевны в личной жизни и так все в порядке, муж обожает, надышаться на нее не может, деньги приличные зарабатывает, так что Сумарокова у нас не бедствует и вообще в полном ажуре. Даже если она три тонны будет весить – муж ее не бросит, а у нас тут с семейными делами у всех непросто.

Саблин, наевшийся вкуснейших пирожков, ушел к себе в кабинет, удрученно покачивая головой. Надо же, как он ошибался! Был уверен, что у Сумароковой роман с Тасконом, при

этом, оценивая их внешние данные и возраст с высоты своих тридцати с небольшим лет, полагал, что они никому не могут быть нужны и интересны, кроме друг друга. Типа «вот и встретились два одиночества», высоченная, с лошадиным лицом Изабелла Савельевна и маленький кургузый Лев Станиславович. А оказывается, оба в браке, и браки эти, судя по всему, счастливые. И никакого романа между Тасконом и Сумароковой нет и в помине, а есть давняя дружба.

* * *

Постепенно эксперты убеждались в том, насколько необходимы результаты гистологических исследований для составления объективного заключения о причине смерти. До того как уйти в декрет, заведующая гистологией работала строго по часам, «от и до», не задерживаясь у микроскопа ни одной лишней минуты, и понятно, что она просто не успевала проводить все назначенные исследования, и потому эксперты приноровились составлять заключения без данных гистологии. И как-то со временем сложилось представление о том, что гистология – специальность второстепенная, не обязательная, без которой вполне можно обойтись. Теперь же, когда новый завгистологией, днюя и ночуя в Бюро и работая по выходным, обеспечивал стопроцентное выполнение исследований в срок, стало формироваться мнение, что без гистологии – никуда. Это радовало Сергея, он свою специальность любил, отдавал ей все силы, всю душу, и даже стал подумывать о том, не уйти ли окончательно от экспертизы трупов в гистологию. Но, с другой стороны, все усилия Саблина по научному обеспечению заключений и постановки диагнозов привели к тому, что основная часть экспертов расслабилась: зачем стараться формулировать причину смерти после вскрытия, когда добрый дяденька Сергей Михайлович проведет свое исследование и почти наверняка точно укажет, как там и чего. Они начали активно пользоваться предоставленной законом с недавнего времени возможностью выписывать предварительные свидетельства о смерти с заветной фразой: «причина смерти временно не установлена». Очень удобно, и мозг надирать не нужно, и время можно сэкономить. Саблин посмотрит и все скажет, а они потом напишут как надо.

Такая откровенная халтура Сергея раздражала, однако авторитет его среди экспертов рос, чему он искренне по-мальчишески радовался.

* * *

Ольга привезла с собой из Москвы микроскоп, при помощи которого смотрела препараты дома. У Сергея своего микроскопа не было, и они честно поделили его, установив очередность: работы у обоих было много, и почти всегда в конце недели оба приносили стеклопрепараты домой, смотрели их вместе, обсуждали, ссорились, доказывая собственную правоту, потом мирились... Ольга ничуть не преувеличивала, когда называла себя хорошим патологоанатомом, и Сергей к ее мнению всегда прислушивался, отдавая должное ее профессионализму.

В одно из воскресений время Сергея для работы с микроскопом закончилось в два часа дня, после чего Ольга накормила его обедом и склонилась над окулярами, а сам Сергей завалялся на диван, чтобы обдумать формулировки, которые он потом запишет на компьютере. В Бюро компьютеров пока еще не водилось, несмотря на то, что финансирование было более чем достаточным. Саблин не уставал этому удивляться, впрочем, памятуя об особенностях начальника Бюро, удивляться-то было, в сущности, нечему. Все медрегистраторы Северогорского бюро, равно как и эксперты, пользовались пишущими машинками, правда, машинки все были хорошими, электрическими и исправными. В самое ближайшее время Сергей планировал прикупить какой-нибудь недорогой струйный принтер. Конечно, он занимает много места,

но зато дешевле лазерного. Сергей старался жить экономно и много на себя не тратить, чтобы побольше денег оставалось для перевода Лене.

Он незаметно задремал в тишине и вдруг проснулся от громких ожесточенных голосов. Где-то за стеной скандалили соседи.

– Я тебя убью!!! – вопил женский голос, причем голос, как показалось Сергею, немолодой.

– Успокойся! Возьми себя в руки! – увещевал невидимый мужчина. – Что ты выдумала?

– Я ничего не выдумала! Я все про тебя знаю! Я давно все поняла про тебя и эту стерву крашеную!

Проснувшийся Сергей попытался сосредоточиться на работе, но голоса становились все громче и яростнее, потом раздался звон разбитого стекла.

– Оль, что там происходит, не знаешь?

Ольга пожала плечами, не отрываясь от микроскопа.

Теперь за стеной что-то грохнуло, после чего послышался испуганный мужской вопль.

– Оль, они там поубивают друг друга, – сказал Саблин, поднимаясь с дивана и всовывая ноги в домашние шлепанцы. – Не знаешь, кто в этой квартире живет?

– Понятия не имею, – отозвалась Ольга. – Но если хочешь, пойдем позвоним в дверь, может, там действительно помощь нужна.

Они вышли на лестничную площадку и позвонили в квартиру, расположенную справа – именно с правой стороны доносились звуки скандала. Дверь распахнулась немедленно, и перед ними предстала настоящая фурия, казалось, сошедшая с иллюстрации к детской книжке. Женщина, возрастом приближавшаяся к семидесяти годам, с распущенными по плечам длинными густыми серебряными волосами, с ярко покрашенными веками, ресницами и губами, в длинной цветастой широкой юбке с оборками, похожей на цыганскую, и в цветастой же кофточке, смотрела на них, сверкая глазами. В ушах покачивались длинные, до самых плеч, красные с черным серьги-подвески, сделанные из пластмассы, обе обнаженные по локоть руки украшены такими же красно-черными дешевыми браслетами.

«Цыганка, что ли? – с удивлением подумал Сергей. – Что-то для настоящей цыганки она слишком нарочитая. И украшения копеечные, вроде бы настоящие цыгане такое не носят».

Женщина в странном наряде молча стояла в дверях и сверлила их взглядом.

– У вас все в порядке? – спросил Сергей. – Ничего не случилось?

– Жанночка, кто там? – послышался мужской голос из комнаты.

Сергей слегка отодвинул седую женщину по имени Жанна и сделал шаг в прихожую соседской квартиры. Квартира была, судя по всему, точно такая же, как у него, только зеркально расположенная.

– У вас все в порядке? – крикнул он громче. – Мы услышали шум, вроде что-то разбилось, потом упало. Помощь не нужна?

– Нужна, – неожиданно твердым низким голосом произнесла Жанна. – Объясните этому чудовищу, что со мной нельзя так обращаться! Я посвятила ему всю жизнь, я отдала ему лучшие годы своей молодости, а он на старости лет задумал меня бросить, завел романчик с какой-то крашеной стервой, она без конца звонит ему по телефону и молчит в трубку.

Из комнаты появился «коварный изменщик» – очень пожилой, но все еще статный мужчина совершенно не цыганского облика: в меру плешивый, в меру седой, в меру сутулый, в меру морщинистый, одетый в домашние брюки из мягкой светло-коричневой ткани, сорочку в мелкую клеточку и толстый вязаный жилет с оттопыренными карманами. Самый обыкновенный российский пенсионер.

– Жанночка, деточка моя, ну что ж ты такое говоришь, как же тебе не стыдно, люди бог знает что обо мне подумают, – заговорил он мягко и просительно.

– Люди подумают то, что есть на самом деле! – отрезала седовласая «цыганка». – Что ты – старый похотливый козел, позарившийся на молодое тело. Это тебе должно быть стыдно, а не мне!

Ольга улыбнулась и потянула Саблина за рукав, призывая уйти к себе. Он сделал шаг назад, но в этот момент сердитое лицо соседки внезапно смягчилось и стало доброжелательным и приятным.

– А вы наши новые соседи? – спросила она голосом, не имевшим ничего общего с голосом разгневанной ревливой жены, только что громогласно упрекавшей мужа в измене.

– Не такие уж новые, – заметила Ольга, – мы здесь живем с октября. Просто мы с вами раньше не сталкивались.

«Коварный изменщик» облегченно перевел дух, подошел к супруге и робко обнял ее за плечи. Жанна откинулась назад, прижавшись к его широкой груди, и блаженно улыбнулась.

– Тогда давайте знакомиться, – предложила она. – Мы Ильины, я – Жанна Аркадьевна, мой муж – Анатолий Иванович. Мы вас побеспокоили своей ссорой? Ради Бога, извините! Вы знаете, у меня темперамент такой бешеный, если меня задеть, я буквально собой не владею, убить могу, честное слово! С моим темпераментом просто сладу нет, вот Толенька всю жизнь мучается со мной, а я ничего поделать не могу. Цыганская кровь, знаете ли, дает о себе знать.

– Ну Жанночка, – с упреком протянул Анатолий Иванович, – не надо выдумывать, не стоит наговаривать на себя. Какой уж там у тебя особенный темперамент? Просто у тебя сложный характер, а темперамент тут совсем ни при чем.

– Нет, именно темперамент! И не смей со мной спорить! Я лучше знаю! Цыганская кровь – не водица! – упрямо твердила Жанна Аркадьевна, сверкая накрашенными глазами.

– Но откуда в тебе цыганская кровь? – пытался урезонить ее муж. – Ты русская до седьмого колена.

– Нет! – почти взвизгнула Жанна. – Мне бабушка рассказывала, что ее прабабку соблазнил цыган из табора, и она родила от него ребенка, деда моей бабушки. Она не стала бы лгать.

– Жанночка, – Анатолий Иванович с улыбкой поцеловал строптивую супругу, – ты даже не спросила, как зовут наших новых соседей, сразу начала про темперамент и цыганскую кровь. Это невежливо.

– Извините, – спохватилась Жанна Аркадьевна с виноватой улыбкой.

Уже через пять минут все были знакомы друг с другом и знали, кто чем занимается и где работает, а через пятнадцать сидели в кухне у Ильиных, пили чай с вкуснейшими конфетами и весело болтали. Впрочем, болтали на самом деле только соседи и Ольга, Сергей сидел насупленный и молчал, ему жаль было бездарно растратываемого времени.

Соседи оказались довольно занятной приятной парой, оба в прошлом инженеры-металлурги, проработали много лет на комбинате, вырастили детей и собрались было уезжать на Большую землю, но дети уговорили остаться: нужно было помогать с внуками, у дочери двое малышей, у сына – трое. Жанна всю жизнь бешено ревновала Анатолия Ивановича, причем, похоже, всегда без реального повода. Она то и дело вставляла в разговор реплики, призванные напомнить собеседникам о ее «цыганской крови» и «бешеном цыганском темпераменте», Анатолий же Иванович ужасно смущался, поведение супруги казалось ему нелепым и смешным, он пытался ее одернуть, остановить, но остановить Жанну Аркадьевну было так же сложно, как бегущего бизона.

Ольга и Сергей собрались уходить, и Жанна Аркадьевна, накинув на плечи черную в пунцовых розах шаль, вышла вместе с ними на лестницу.

– Сережа, – шепотом спросила она, оглядываясь на открытую дверь своей квартиры, – а вы правда судебно-медицинский эксперт?

– Конечно, правда, – подтвердил он.

– Значит, вы сможете мне помочь в случае чего?

– В случае чего именно? – не понял Сергей. – Какие у вас проблемы, Жанна Аркадьевна? Та театрально вздохнула.

– У меня всю жизнь одна проблема – измены Толика. Он ни разу не признался, он от всего отпирается, но я точно знаю, что он мне изменяет. Я хочу поймать его с поличным, чтобы он не мог отвертеться.

– Зачем? – коварно спросил Сергей. – Для чего вам это нужно?

– Чтобы точно знать! – нетрепливо воскликнула Жанна. – И припереть его к стенке.

– И что? – спросила Ольга, до этого не вмешивавшаяся в разговор, но слушавшая очень внимательно. – Ну вот вы припрете его к стенке, и что будет дальше? В чем ваша выгода? В чем состоит ваш генеральный план?

– Я смогу разговаривать с ним по-другому, он больше не посмеет отпираться, он поймет, что попался.

– И что? – повторила Ольга, не скрывая ироничной улыбки. – Вот Анатолий Иванович поймет, что попался. Вам станет легче? Он будет испытывать неловкость, вероятно, даже чувство вины, ему станет некомфортно рядом с вами, и он просто уйдет.

– К этой шалаве?!?! – выкатив глаза, завопила Жанна громким шепотом, снова боязливо оглянувшись на дверь своей квартиры.

– Ну почему непременно к шалаве, – подхватил игру Саблин. – Он просто уйдет. Куда глаза глядят. Не захочет больше с вами жить. И вы ничего ровным счетом не выиграете, потому что если вы опасаетесь, что у Анатолия Ивановича роман и он может уйти, то от вашего припирания к стенке он точно так же может уйти. Получается шило на мыло.

– Вы думаете? – задумчиво спросила Жанна.

Весь ее запал мгновенно угас.

– Уверен, – кивнул Саблин, изо всех сил стараясь не расхохотаться.

Боже мой, ну кому нужен этот старый пень Анатолий Иванович, нищий российский пенсионер с сумасшедшей женой, двумя детьми и пятью внуками! Кто на него позарится?!

Жанна Аркадьевна подумала еще немного и просительно тронула Сергея за руку.

– И все-таки, Сережа, пообещайте мне, что выполните мою просьбу, если я к вам обращусь.

– Боже мой, Жанна Аркадьевна, для вас – все, что угодно! – галантно произнес Саблин.

Дома они с Ольгой, поспешно заперев за собой дверь квартиры, разразились хохотом. У Ольги из глаз текли слезы, Саблин согнулся пополам и держался за живот. Отсмеявшись, они обменялись впечатлениями о соседской паре и пришли к выводу, что Жанну Аркадьевну будут между собой называть не иначе как «наша престарелая Кармен», а с именем для ее Анатолия Ивановича вышла заминка: Саблин предлагал именовать его «Хозе», Ольга же считала, что больше подойдет «Казанова».

– Хозе убил Кармен из ревности, – говорила она. – А здесь все наоборот, здесь Кармен готова своего суженого порешить. Хозе не годится.

– А Казанова, по-твоему, годится? – возражал Саблин. – Казанову ревновали всегда по делу, он действительно был дамским угодником, а этот-то пенек ни на одну бабу небось в своей жизни не посмотрел, кроме жены.

В конце концов сошлись на Дантесе: Эдмон Дантес из «Графа Монте-Кристо» был обвинен в том, чего не совершал, и много лет провел в заключении, которого не заслуживал.

* * *

Скопившиеся в гистологической лаборатории стеклопрепараты, исследования по которым так и не были проведены в связи с отсутствием эксперта-гистолога, можно было в принципе и не смотреть: судебно-медицинские экспертизы были закончены без результатов гисто-

логии и представлены следствию, которое сделало собственные выводы. Этих результатов уже никто не ждал. Но Сергей все равно смотрел «стекла»: незаконченная работа тяготила, непросмотренные стеклопрепараты нельзя было сдавать в архив. Кроме того, ему как добросовестному профессионалу было важно сравнить результаты собственного исследования с теми заключениями, которые давали эксперты, не дождавшиеся результатов гистологии. Чаще диагнозы полностью совпадали. Но случалось и иное. Работа была не срочной и растянулась на несколько месяцев.

Однажды Саблин, просматривая препараты, обнаружил в одном случае признаки хронической субдуральной гематомы. Это означало, что человек когда-то перенес тяжелую черепно-мозговую травму, зажившую с образованием своеобразной рубцовой ткани с многочисленными сосудами. Эти мелкие сосуды и послужили источником повторного внутричерепного кровоизлияния, а кровоизлияние, в свою очередь, привело к сдавлению мозга образовавшейся гематомой и наступлению смерти. Бывает. Сергей достал из папки заранее взятые из архива материалы по этому случаю: он всегда готовился загодя, составлял список препаратов, которые собирался исследовать, и приступал к работе, вооружившись всеми необходимыми материалами, хранящимися в архиве.

В заключении эксперта по данному случаю стоял диагноз: «Закрытая черепно-мозговая травмы, субдуральное кровоизлияние».

Очень интересно! Стало быть, судебно-медицинский эксперт расценил эту субдуральную гематому как острую, а не как хроническую. Острая – значит, человеку причинили травму, от которой он и скончался. А хроническая субдуральная гематома в судебной медицине вообще травмой не считается и поэтому не подлежит оценке по признакам тяжести вреда, причиненного здоровью. Хроническая гематома – это сосудистое заболевание головного мозга, которое может развиваться по множеству самых разнообразных причин, начиная от различных инфекционных заболеваний или токсических поражений и заканчивая полученными когда-то черепно-мозговыми травмами. Менингит, инсульт, гемофилия и многое другое может привести к развитию и формированию хронической гематомы, при наличии которой человек мог умереть от кровоизлияния из новообразованных сосудов, вызванного самыми безобидными причинами: гипертоническим кризом, например, или алкогольным опьянением, или несильными ударами по лицу или голове, или банальным падением, как принято говорить в судебной медицине, «с высоты собственного роста», при этом ему даже не обязательно было удариться головой обо что-нибудь, достаточно было всего лишь поскользнуться и упасть на ягодицы.

Уголовное дело по этому случаю было возбуждено еще восемь месяцев назад. В описании обстоятельств дела указано, что один пьяный безработный во время совместного распития спиртных напитков нанес другому такому же пьяному безработному телесные повреждения, причинившие смерть. Такое ерундовое дело наверняка закончили расследованием давным-давно и в суд передали, и приговор уже состоялся. Значит, тот из двух собутыльников, кто остался в живых, уже отбывает срок и парится на нарах, поскольку факта избиения он не отрицал, а экспертиза утверждала, что именно телесные повреждения, причиненные во время избиения, и привели к образованию острой субдуральной гематомы, субдуральному кровоизлиянию и к смерти.

Выходит, мужик сидит ни за что? Драка дракой, чего между пьяными собутыльниками не бывает, а в том, что у потерпевшего хроническое заболевание сосудов головного мозга, никто не виноват.

Сергей собрал все материалы и отправился к Изабелле Савельевне, которая как самый опытный и уважаемый сотрудник Бюро была оставлена Двоем исполнять обязанности начальника на время его отпуска. Изабелла Савельевна принципиально не пересаживалась на это время в начальственный кабинет, принимая сотрудников и решая текущие вопросы в привычной ей обстановке в помещении морга.

– Я свое продавленное кресло ни на что не променяю, – говорила она. – Оно у меня под длину ног подогнано, а сидеть на вашей уродской лилипутской мебелишке мне неудобно и гордость не позволяет. Унизительно.

Сергей, волнуясь, рассказал ей об обнаруженной ошибке.

– Вы понимаете, он же сидит, этот мужичонка несчастный, а получается, что он ни в чем не виноват.

Сумарокова пробежала глазами принесенные Саблиным документы.

– Но ведь бил? Бил. Удары наносил? Наносил, – заметила она, не отрывая глаз от постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы, в которой, как и полагается, были изложены фактические обстоятельства дела.

– От таких ударов здоровый человек умереть не может, – горячился Сергей. – Ни при каких обстоятельствах. Умереть может только больной. А в том, что потерпевший имел хроническое заболевание, о котором никто не знал, его собутыльник не виноват.

Изабелла Савельевна со вздохом протянула Сергею документы.

– Сергей Михайлович, я вас прекрасно понимаю. Сама в вашем возрасте была такой. И даже еще в сорок пять лет билась за недопущение экспертных ошибок и их исправление. А в пятьдесят пять уже перестала. И знаете почему? Устала. Надоело, что меня гоняют из кабинетов, как паршивую собачонку, которая выклянчивает еду и всем мешает. Никому ничего не нужно. И вам придется к этому привыкнуть. Кроме того, у всех есть свой корпоративный интерес, не забывайте об этом.

Губы Сергея искривились в презрительной ухмылке. Он ненавидел это обтекаемое слово «интерес». Профессиональный интерес как профессиональное любопытство он признавал, все остальное казалось ему недостойным и мерзостным.

– Вы хотите сказать – денежный интерес? – уточнил он.

– Нет, именно корпоративный. Вот вы придете со своими материалами и требованиями к нашему уважаемому Георгию Степановичу, и это будет читаться как упрек в том, что он столько времени продержал наше Бюро без гистологии. С вашими материалами он пойдет в прокуратуру, и там на него начнут наезжать, дескать, вот мы вам говорили, мы вас предупреждали, сами виноваты. И еще в горздрав наклеузничают и в администрацию. Двойку это нужно? Идем дальше. Следствие вынуждено будет признать, что на основании ошибочно выставленного диагноза привлекло к уголовной ответственности невиновного. Казалось бы: следователь ни при чем, он исходил из заключения эксперта, он же не мог знать, что эксперт ошибся. Однако и тут есть подводный камень: в заключении судебно-медицинского эксперта нет результатов гистологического исследования, а в протокольной части сказано, что материал набран и отправлен на гистологию. И прокуратура задает следователю совершенно справедливый вопрос: куда же вы, батенька, смотрели? Вы же видели, что экспертное заключение основано на неполных материалах, значит, должны были предполагать, что может закрасться ошибка. Ах, вы не видели? А почему? Протокольную часть не читали? Внимания не обратили? Прочли, как и все следователи, только выводы? И следователь получает по самые помидоры. Идем дальше. А дальше у нас суд с судьями. Суды борются за стабильность приговоров, поэтому любая отмена приговора – удар по корпоративным интересам. Они этого страсть как не любят и стараются не допускать, и даже если видят, что приговор совершенно определенно неправосудный, все равно упираются до последнего. И потом: экспертное заключение представляется суду, и если следователь чего-то там не прочитал и не увидел, то они-то должны были прочесть и заметить. А тоже не прочитали, не заметили, не поняли, не придали значения. То есть все кругом виноваты. Вы много знаете людей, которым нравится ходить виноватыми? Лично я – нет. Поэтому посыпать себе голову пеплом и наживать неприятности из-за какого-то пьяного бомжа никто не станет. Вы только потратите нервы и силы, но ничего не добьетесь.

Она замолчала, чуть склонив голову, потом вытащила из кармана халата пачку сигарет и зажигалку, прикурила, протянула длинную руку и пододвинула к себе пепельницу – затейливой формы изделие из какого-то поделочного камня.

– Я устала, Сергей Михайлович, – проговорила она негромко, не глядя на него. – Я очень устала воевать. Я не солдат, я всего лишь женщина, хотя и очень высокая и очень спортивная. Вы знаете, я ведь до сих пор каждое утро выхожу на пробежку, в любую погоду выхожу. В этом смысле я в отличной форме. Но во всех остальных смыслах... Меня хватает только на то, чтобы руководить отделением, проводить вскрытия, контролировать работу моих экспертов и периодически замещать шефа, когда тот уезжает в отпуск. Все. На этом мои силы заканчиваются. И желания, честно признаться, тоже.

– Но как же... – начал было Сергей, все еще не терявший надежды убедить Сумарокову предпринять хоть что-нибудь, чтобы вытащить из колонии безвинно осужденного безработного.

Изабелла Савельевна взмахнула зажатой между пальцев сигаретой, делая ему знак помолчать.

– Вам известно, почему мой муж живет в Норильске, за пятьсот километров отсюда, а не в Северогорске, со мной?

– Нет. А какое отношение...

– Моя последняя попытка исправить экспертную ошибку оказалась удачной, – усмехнулась она. – К сожалению. Мне было пятьдесят три года, я считала себя уже очень опытной и авторитетной и была уверена, что никакие неприятности мне не грозят. Крошечного малыша, всего двух с половиной месяцев от роду, доставили в стационар с кровоподтеками и ссадинами. Врачи поставили диагноз «тяжелая черепно-мозговая травма, субарахноидальное кровоизлияние, ушиб мозга». Разумеется, тут же сообщили в прокуратуру, возбудили уголовное дело, следователь вынес постановление о проведении судебно-медицинской экспертизы, одним словом, все честь по чести. Эксперт «живого» приема обследовал малыша и квалифицировал повреждения как тяжкие по признаку опасности для жизни. А родственники малыша дали на следствии показания о том, что мать постоянно била ребенка. Мать все отрицала, но свидетельские показания были, заключение эксперта было, и ее осудили и дали срок. И очень маленький. Проходит восемь месяцев, и этот малыш, не дожив до годика, умирает в стационаре. Детские смерти всегда вскрываем мы, в данном случае вскрытие проводила я сама. И знаете что оказалось? У мальчика был врожденный токсоплазмозный хронический менингоэнцефалит с исходом в порэнцефалию и гидроцефалию. Понимаете?

Сергей кивнул.

– У этого заболевания такие клинические проявления, которые и врачи, и эксперт ошибочно приняли за проявления тяжелой черепно-мозговой травмы, да?

– Вот именно. Мать ребенка и пальцем не трогала. А срок отбывает. И я пошла по инстанциям. Сначала к Двойку, потом, когда он меня послал по известному адресу, в прокуратуру. Прокуратура принесла протест в порядке надзора, приговор отменили, женщину выпустили. А через три дня сгорел офис моего мужа. Прокуратура и следствие проявили должную сообразительность и задались вопросом: почему свидетели в один голос утверждали, что мать била ребенка, если этого не было? Свидетелей – родственников мужа осужденной – выдернули, начали трясти, возбудили против них дело за заведомо ложный донос. Им это страсть как не понравилось. Они, понимаете ли, очень несчастную женщину не любили, потому что она была не той национальности, которую они считали подходящей для своей семьи. И воспользовались ситуацией, чтобы от нее избавиться. Люди они не бедные, с определенными возможностями. И когда у них начались проблемы, очень быстро выяснили, кто же это такой противный в Северогорском Бюро СМЭ, кто им кислород перекрыл и развалил такую отлично продуманную ком-

бинацию по отлучению иноверки от своей семьи. После чего начались проблемы уже у моего мужа, и кислород перекрыли уже ему. С тех пор я перестала воевать.

– А как же справедливость? – тихо спросил Сергей. – Наплевать и забыть?

– Плевать не надо, – также тихо и очень серьезно ответила Изабелла Савельевна, – и забывать тоже не надо. Но надо трезво оценивать и расстановку сил в том обществе, в котором мы с вами живем и работаем, и собственные силы и возможности, и интересы своих близких. Исправить экспертную ошибку чрезвычайно трудно, потому что одно неверное заключение влечет за собой длинную цепочку событий, в которые вовлекается множество людей, и потом крайне затруднительно все отыграть обратно, не задев интересов этих людей. А люди очень не любят, когда кто-то задевает их интересы, они кусаются, царапаются, сводят счеты. Борьба с экспертными ошибками должна состоять не в том, чтобы эти ошибки исправлять ценой крови и здоровья, а исключительно в том, чтобы их не допускать. Вот в этой борьбе я готова участвовать.

Она резким движением затушила окурок в пепельнице, улыбнулась Саблину и добавила:

– Вместе с вами, Сергей Михайлович.

* * *

Стеклопрепараты по делу безработного алкаша Сергей принес домой, собираясь попросить Ольгу посмотреть их. Ольга согласилась с его диагнозом и выслушала рассказ о разговоре с Сумароковой. Она вообще была удивительным слушателем, самым подходящим для такого человека, как Сергей Саблин: никогда не перебивала, не встревала со своими замечаниями и комментариями, в то же время ухитряясь каким-то невероятным образом давать понять, что ни одно слово не проходит мимо ее внимания. В разговор она вступала только в тот момент, когда монолог заканчивался, и приходило время диалога. Как она улавливала этот момент – Сергей понять не мог, но Ольга за все годы, что они были знакомы, не ошиблась ни разу.

– Саблин, ты проявляешь узость мышления, – заметила она. – Ты склонен кругом видеть врагов. Или идиотов.

– А ты нет? – осведомился он, прищурившись. – Ну, объясни мне, если я такой тупой.

Ольга рассмеялась:

– Ты не тупой, ты ограниченный. Вот смотри: эксперт проводит вскрытие, набирает материал для гистологии, направляет на исследование, исследование проводить некому, результатов нет как нет, а заключение писать надо, сроки подходят, следовательно давит. Что ему делать? Можно, конечно, поставить диагноз без гистологии, бывает, что это возможно, и тогда все в порядке. Но бывает, что и невозможно или затруднительно. Что мешает эксперту, если у него дерьмовый начальник Бюро, позвонить следователю и сказать: «У нас нет гистолога, а без него я не могу с уверенностью поставить диагноз. Вы не могли бы вынести постановление о проведении экспертизы в другом учреждении, где гистология работает нормально, например в областном Бюро? Или назначить только гистологическую экспертизу в городской патанатомии?» Что мешает? Насколько мне известно, следователь имеет право назначить экспертизу в любом месте, где есть специалисты подходящей квалификации.

– Начальник Бюро мешает, – усмехнулся Сергей. – Такие вещи мимо него не пройдут, а он удавится – но не признается, что у Бюро проблемы, которые он не решает и решать не хочет. Он будет теребить эксперта и требовать, чтобы он сдал акт строго в срок, дабы не объясняться со следствием и прокуратурой, а потом с горздравом и администрацией.

– Хорошо, – кивнула Ольга. – Пусть эксперта заставили, и он выставил диагноз, не будучи в нем полностью уверенным. Но что ему мешает опять-таки позвонить следователю и предупредить об этом? Дескать, заключение сделано без гистологии, оно вполне может оказаться ошибочным. Почему нет?

– Потому что это нарушение закона.

– То есть? – Ольга приподняла брови. – Честно предупредить следствие о возможной ошибке – нарушение закона? Саблин, ты ничего не путаешь?

Он вздохнул. К сожалению, он ничего не путал. Все было именно так. Экспертное заключение должно основываться на внутреннем убеждении эксперта. А внутреннее убеждение эксперта – это результат его уверенности в безошибочности своих действий и выводов, уверенность же основывается на профессиональных знаниях и навыках. Без внутреннего убеждения, без этой уверенности экспертное заключение делаться не может. Так записано в уголовно-процессуальном законе. Либо эксперт абсолютно уверен в своих выводах, либо он пишет, что не может сделать выводы в связи с недостаточностью предоставленных материалов, отсутствием необходимого оборудования для проведения исследования, отсутствием специальных знаний... Либо «да», либо «нет». Никаких «может быть, но я не совсем уверен, возможно, что я ошибаюсь». И попробовал бы какой-нибудь эксперт написать, что не может сделать вывод о причине смерти в связи с отсутствием результатов гистологического исследования! Саблину было бы очень интересно посмотреть, как сложится в дальнейшем судьба этого камикадзе. Во-первых, отделения судебно-гистологической экспертизы просто не может не быть в судебно-медицинском учреждении, это нонсенс. Во-вторых, каждый судебно-медицинский эксперт, прошедший соответствующее обучение и получивший сертификат, ОБЯЗАН уметь вскрывать трупы, проводить экспертизу живых лиц, равно как и медицинской документации, и осуществлять гистологические исследования. По-настоящему хорошие эксперты из отделений танатологии вообще работают по принципу «сам вскрываю – сам смотрю стекла», то есть одинаково хорошо владеют и макроскопическими, и классическими микроскопическими методами гистологического исследования и умеют интерпретировать результаты этих исследований. Конечно, для гистохимии нужно учиться отдельно, но уж классикой-то не владеть просто недопустимо. И если эксперт начнет гнать волну, что он, дескать, не может закончить заключение из-за отсутствия гистологии, то ему тут же скажут: «Сам дурак». И по шапке надают. Кому охота?

– Знаешь, я вспомнила случай один, – заговорила Ольга, – очень показательный. Беременная женщина умерла в стационаре, сгорела за сутки с небольшим. Началось все ураганно: плотно поела дома, помыла посуду, стала мыть пол – голова закружилась, появилась слабость в руках и ногах, ощущение жара в области сердца. Вызвали «Скорую», женщина врачам рассказала все как есть, ничего не утаила и не напутала, к тому времени уже прибавились дрожь в теле, температура высокая, тошнота, рвота. Ее госпитализировали в роддом, думали – острый токсикоз беременных. В роддоме хирург поставил пищевую токсикоинфекцию, врач-инфекционист посмотрел и оставил диагноз «под вопросом», то есть не был уверен, нужны были дополнительные исследования. А женщина умерла. Менты тогда всех на уши поставили, искали, кто мог ее отравить, ведь врачи же написали «пищевая токсикоинфекция», значит, либо подсунули испорченный продукт, либо что-то отравляющее в продукты добавили. Среди ближнего круга умершей нашелся человек, на котором все сошлось: и относился к ней плохо, и возможность подсыпать отраву имел. Закрыли его. А тем временем судебные химики и судебные биологи искали отравляющее вещество в продуктах, изъятых из дома умершей, и в рвотных массах, ну, ты сам знаешь, где они ищут. И ничего не нашли. Ни-че-го. Женщину давно похоронили, мужик-подозреваемый давно в СИЗО время проводит, а чем ее отравили – непонятно. Время шло. Мужик сидел. И только потом кто-то догадался, что это было не отравление, а острый жировой гепатоз беременных, клиническая картина – классика, как из учебника. И в смерти никто не виноват. А подо-зреваемый семь месяцев в камере просидел, его уж и с работы уволили, и жена его бросила. Вот и цена ошибки. Ее исправили, а толку? Жизнь человеку разрушили, и никакое исправление ошибок не помогло. Может, права твоя Сумарокова?

Может, действительно главный смысл не в исправлении ошибок, а в том, чтобы их не допускать? Ошибка, даже исправленная, слишком дорого обходится.

Спорить было не о чем. Ольга устроилась за кухонным столом, разложив принесенные с собой материалы: ей нужно было написать статью в готовящийся к печати сборник научных трудов по патанатомии, а Сергей уселся на диван, включил телевизор и попытался посмотреть какое-то ток-шоу на тему врачебных ошибок, но очень быстро начал сначала скучать, потом раздражаться. Разговор шел бестолково, участники кричали и перебивали друг друга, ведущий не владел ситуацией и не контролировал течение дискуссии, в результате чего горластые «простые обыватели» не давали профессиональным медикам слова вставить. Он смотрел на экран, но ничего не видел. В голове всплывали известные ему случаи экспертных и врачебных ошибок, и он пытался оценить последствия этих ошибок. О каких-то случаях он читал в специальной литературе, о каких-то ему рассказывали. Вот, например, женщина, получившая удар ножом в спину. В больнице рану обработали, а ревизию не провели, зашили рану наглухо. Все зажило, женщина об этой ране и думать забыла. Прошло пять лет, стала побаливать спина, еще три года ее лечили по поводу отложения солей и остеохондроза. И только потом наконец додумались сделать рентген и спондилографию. И обнаружили отломок ножа длиной 8 сантиметров и шириной 1,2 сантиметра. А ведь преступника, ударившего ее ножом, тогда не нашли. Если бы первичную обработку раны провели как положено, сделали ревизию, то отломок нашли бы уже тогда, и вполне вероятно, по этому отломку смогли бы идентифицировать сам нож, а следом за этим и преступника найти. Преступника, который в результате так и гуляет на свободе. Или другой пример, очень похожий на сегодняшний случай с безработным: умер мужчина, эксперт провел вскрытие и поставил диагноз «черепно-мозговая травма», возбудили дело, стали искать, кто потерпевшего по голове приглубил. Мужчина приличный во всех отношениях, обеспеченный, непьющий, бизнесом занимался, и все его окружение тоже состояло из людей приличных, делом занятых, с криминалом не связанных. Менты их всех перетрясли, репутацию всем подорвали, у кого-то контракт сорвался, кого-то на новую работу не взяли, еще кого-то за границу на повышение квалификации не выпустили... И хорошо еще, что люди были «из среднего класса», а окажись на их месте кто попроще, работяга или безработный, долго думать не стали бы – закрыли в СИЗО, а там и до приговора рукой подать. А потом оказалось, что это была никакая не криминальная травма, а опухоль головного мозга – распадающаяся нейроэпителиома. Только это самое «потом» слишком поздно наступило, когда много времени прошло и назначили сперва повторную, а затем комиссионную экспертизу.

И в практике самого Саблина тоже были случаи... Он вспомнил шестилетнего мальчика, внезапно умершего ночью на даче, в своей комнате, где его утром нашли мертвым родители. На теле сыпь типа крапивницы, лицо синюшно-красное, глаза навывкате с расширением сосудов склер, увеличение миндалин и глоточных лимфоузлов, отек слизистой глотки и гортани. Увидевший все это на вскрытии эксперт поставил «катаральную ангину, отек гортани, ложный круп». Родители пришли получать медицинское свидетельство о смерти, мать прочла, что там написано, и пришла в ярость:

– Какая может быть ангина в июле месяце? Тепло, он не мог простудиться! Вечером ребенок был совершенно здоров!

Родители оказались не «простыми», подняли все свои связи, нашли выход на начальника Московского городского Бюро судмедэкспертизы, надавили на него, поскандалили, и тот назначил проведение повторного вскрытия, благо тело мальчика еще для похорон не забирали и оно находилось в морге. На следующий день в морг приехал заместитель начальника по экспертной работе и очень опытный эксперт из отдела сложных экспертиз, в прошлом – детский патологоанатом, владеющий техникой вскрытия трупов детей. Саблина завотделением экспертизы трупов пригласил на вскрытие для оказания помощи: мало ли что понадобится сделать несложного, чтобы высокие специалисты себя не утруждали. Санитары подготовили тело, раз-

резали секционные швы, и бывший детский патологоанатом приступил к работе. Остальные, в том числе и тот эксперт, который проводил первое вскрытие, стояли рядом. И все видят то же самое, что видел и эксперт при первом вскрытии: и увеличенные миндалины, и отек слизистой глотки и гортани. Легкие вздуты, пятна Тардые. Зам по экспертной работе что-то почуял, спросил:

– На асфиксию не похоже?

На что эксперт, вскрывавший мальчика несколько дней назад, с уверенностью ответил:

– Так ведь ложный круп! Острая дыхательная недостаточность. Картина та же, что и при асфиксии.

А детский патологоанатом тем временем послойно исследовал мягкие ткани шеи. Ничего не нашел. Потом приступил к мягким тканям лица. Эксперт-танатолог смотрел с любопытством: он в свое время этого не сделал и вообще представления не имел о том, что это делать нужно. И, вероятнее всего, не умел. И в мягких тканях лица обнаруживаются очаговые кровоизлияния, три слева и одно справа от отверстий рта и носа. Приложенная ладонью к лицу правая рука эксперта почти точно попала кончиками пальцев на участки кровоизлияний.

– Вот вам и ложный круп, – вздохнул он. – Чистой воды асфиксия от закрытия ладонью рта и носа.

После чего обратился к Сергею:

– Вскрывать таз по Хижняковой умеете?

Сергей кивнул. Метод Хижняковой специально разрабатывали для исследования трупов женщин в случае криминальных аборт. Но почему-то мало кто об этом методе знал и владел им, обычно умерших родильниц вскрывали «по Фишеру», как и всех прочих.

– Начинайте.

Сергей выделил органы таза вместе с кожей промежности и наружными половыми органами, эксперт развернул их к свету и внимательно посмотрел, дав возможность посмотреть и остальным участникам вскрытия. У мальчика задний проход оказался неполностью сомкнутым, слизистая ануса синюшная, а на ней – точечные кровоизлияния и мелкие ссадины. Эксперт вскрыл ножницами ампулу прямой кишки, а там, кроме небольшого количества каловых масс, виднелась белая слизь, похожая на сперму. Взяли слизь на марлю, чтобы отдать следователю для биологической экспертизы.

Вскрытие закончилось, Сергея отпустили. Уже впоследствии от завтанатологией Саблин узнал, что биологическая экспертиза подтвердила: действительно, в прямой кишке у мальчика была сперма, и группу выделительства установили. Взяли кровь для установления группы выделительства у всего ближнего круга родных и знакомых, находившихся в тот день и ту ночь на даче, у мужчин, разумеется, а было их человек пять-шесть. Даже у отца кровь брали, хотя он и орал, и возмущался, но следователь его убедил. В итоге оказалось, что мальчика изнасиловал и задушил родной дядя, младший брат матери. Тут же вынесли постановление о его задержании, поехали к нему домой, он в глазок увидел, кто к нему пришел, и все понял. Прыгнул в окно с восьмого этажа.

Сергей тогда долго вспоминал этот случай и думал о том, что все получилось, в сущности, только благодаря упорству и связям родителей убитого ребенка. Они нашли ходы к начальнику Бюро, они уговорили его назначить повторное вскрытие, хотя начальник очень этого не хотел – берег репутацию экспертов-танатологов, и пытался запугать несчастных мать и отца, подробно рассказывая им о том, как травматично и ужасно будет проходить повторное вскрытие шестилетнего малыша. Мать плакала и пила какие-то капли, отец бледнел и хватался рукой за горло, но они проявили завидную стойкость и не отступили. Саблин почему-то думал о Дашеньке и пытался представить, как бы он повел себя, если бы ему сказали, что ее тельце будут вскрывать «по Хижняковой», а мягкие ткани лица исследовать послойно. Даже он, эксперт-танатолог, и то не мог делать такие вскрытия без содрогания, а после их проведения приходил в

себя несколько дней, лечась молчанием, алкоголем и сном. Наверное, он бы костями лег, но не допустил повторного вскрытия. Или допустил бы? В те времена он еще не очень задумывался о цене экспертной ошибки. Как бы он поступил сегодня? «Я бы согласился. То есть меня, конечно, никто и не спрашивал бы, но если бы я оказался на месте этих родителей, и проведение вскрытия зависело только от моих личных усилий, то сегодня я бы эти усилия приложил, – думал он. – Лучше уж так цинично и травматично провести вскрытие и изуродовать труп ребенка, чем допустить ошибку и пропустить убийство. Если бы родители мальчика не настояли, подонок так и ходил бы по улицам рядом с нами, радовался жизни и тому, что ему все сошло с рук».

Глава 3

И все-таки, несмотря на увлечение гистологией, Сергей Саблин, вернувшись из отпуска, пришел к Изабелле Савельевне с заявлением, что основные завалы в своем отделении он разгреб и готов заниматься вскрытиями, посему просил не забывать отписывать ему один-два раза в неделю трупы: не хотел терять навыков экспертной работы. Сумарокова согласилась охотно и радости своей не скрывала.

– Шеф давно уже сказал, что на ваши руки можно рассчитывать, так я все ждала, когда вы со своими «стеклами» управитесь. Только вы уж не обессудьте, Сергей Михайлович, – предупредила она, – вашими будут разные случаи смерти в стационарах, а не криминал.

– Почему?

– Да мне уже доложили, что вы большой любитель ковыряться в медицинских документах и чужие почерки разбирать, – засмеялась та. – А у нас таких любителей нет, поэтому от «больничных» смертей все бегут, как от чумы. Полагаю, у вас в Москве тоже этот вид экспертной работы большой популярностью не пользуется?

– Не пользуется, – подтвердил Сергей. – И что, так-таки ни одного криминала мне не отпишете?

– Уж не беспокойтесь, отпишу, останетесь нами премного довольны.

И улыбнулась ему лукавой улыбкой заговорщицы.

Изабелла Савельевна слово сдержала, примерно на каждые три «больничных» смерти, вскрытие по которым отписывалось Саблину, приходилась одна «криминальная». И случай с гибелью девушки в дорожно-транспортном происшествии поначалу показался Сергею совершенно обычным. Количество автомобилей росло пропорционально росту благосостояния населения Северогорска, соответственно увеличивалось число ДТП, а вот водительское мастерство тех, кто сидел за рулем, неуклонно падало.

Две подружки катались на машине, гоняя по полупустым улицам, и в итоге врезались в бетонную конструкцию, ограждающую колодец теплотрассы. Обе молодые девчонки были навеселе, обеих пришлось извлекать из деформированного, смятого салона автомобиля. Их доставили в больницу, где одна скончалась через восемь суток, не приходя в сознание, вторая же девушка была через две недели выписана на амбулаторное лечение. В подобных случаях в первую очередь следствию необходимо получить ответ на вопрос: кто сидел за рулем? Кто является виновником аварии со смертельным исходом? Кто будет нести ответственность? Без ответа на этот вопрос следствие буксует. Если все погибли – проще, выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи со смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Формулировка громоздкая, а в обыденной жизни – просто «отказняк». Но вот если кто-то погиб, а кто-то выжил, всегда есть огромный соблазн свалить всю вину на покойника. И соблазну этому подвержены не только выжившие и члены их семей, но и сотрудники правоохранительных и прочих могущественных органов: зачем портить жизнь человеку судимостью, когда можно обвинить того, кому уже все равно.

Получив постановление следователя о проведении дополнительной судебно-медицинской экспертизы, Сергей пробежал глазами «обстоятельства дела» и усмехнулся: ну конечно же, оставшаяся в живых девушка утверждала, что ничего не помнит из-за амнезии, вызванной черепно-мозговой травмой, но ей кажется, что погибшая подруга попросила у нее разрешения «порулить», и вроде бы владелица автомобиля, к слову – дочка директора одной из обогатительных фабрик, уступила подруге место за рулем, когда они обе вышли из ночного клуба. Перед экспертом ставился вопрос: кто сидел за рулем?

– Ну, ясно, – сказал он Сумароковой, – адвокат, видно, толковый попался. Был бы попроще – она бы твердила, что была пассажиром, хотя всем давно уже известно, что именно

водитель чаще всего остается в живых, а тот, кто сидел на переднем пассажирском месте, погибает. Уж сколько исследований проведено на эту тему, давно все доказано, проверено и перепроверено, а они, я имею в виду адвокатов, продолжают считать, что судебная медицина застыла на уровне девятнадцатого века. Обидно, ей-богу! Немецкие эксперты давно уже называют переднее пассажирское сиденье «местом смертника».

– Вы правы, – кивнула Сумарокова, – адвокат у этой девочки из первой десятки в нашей городской адвокатуре, папа, сами понимаете, за ценой не постоит. А на амнезию валить очень удобно, никаких к тебе вопросов, все равно ведь ничего не помнишь. Травмы у нее легкие, всего двух недель в стационаре хватило: сотрясение мозга, перелом костей носа и левого предплечья. Но для того чтобы дурковать, вполне достаточно, раз сотрясение есть – можно включать амнезию, и поди докажи, что она симулирует.

Она помолчала и негромко добавила:

– Сергей Михайлович, учтите: легко не будет.

– Что вы имеете в виду? – встрепнулся Саблин.

– Сами увидите. Но я вас предупредила.

Сергей собрался было идти к себе, но вдруг остановился.

– Изабелла Савельевна, я не понял: а почему экспертиза отписана мне? Ведь это больше касается выжившей девушки, и проводить экспертизу имеет смысл через амбулаторный прием.

Сумарокова укоризненно покачала головой:

– Вот и видно, Сергей Михайлович, что вы еще очень неопытный руководитель отделения. Были бы опытным – задали бы этот вопрос в первую очередь, потому как любой начальник сперва обращает внимание на оргвопросы, а уж потом на суть дела. А вы сразу в суть полезли. Мы и хотели провести экспертизу через «живой» прием, но шеф настоял, чтобы ее делали мы в отделении экспертизы трупов.

– Но почему? Какой в этом смысл?

– Смысла никакого, – Сумарокова пожала плечами, – если иметь в виду смысл профессиональный. А вот смысл корпоративный очень даже есть. Дело в том, что на «живом» приеме у нас сидят два эксперта, один из которых в данный момент находится на стационарном лечении и приступит к работе не ранее чем через месяц, а второй – очень принципиальный. Если вы понимаете, что я имею в виду.

– Нет, не понимаю, – признался Сергей. – Почему принципиальность эксперта мешает проведению экспертизы?

– Боже мой, Сергей Михайлович, ну когда же вы повзрослеете! Есть лица, заинтересованные в определенных выводах эксперта. Надеюсь, вам понятно, о ком и о чем идет речь. Эксперт, работающий сейчас на «живом» приеме, уже проводил экспертизу по выжившей девушке, она есть в материалах, которые вам предоставлены, почитайте – получите массу удовольствия. Не хочу никого чернить огульно, но надеюсь, что вам станет понятна хотя бы примерно стоимость этого документа в денежном выражении. Шеф очень недоволен, поскольку денежное выражение никак его не коснулось. Заинтересованные лица сами решили вопрос с нашим принципиальным экспертом. И теперь, когда речь зашла о дополнительной экспертизе, Георгий Степанович хочет, чтобы договаривались лично с ним. Ему так больше нравится. Именно поэтому он отписал постановление следователя в отделение экспертизы трупов. Знает, что со мной договориться нельзя, значит, придется договариваться с ним, а уж он найдет управу на того эксперта, которому я поручу проведение дополнительной экспертизы. Теперь понятно?

Сергей обескураженно молчал. Эк у них все просто! Все обо всем знают, никто ничего не скрывает, полная гласность и демократия. И что, Изабелла Савельевна заранее предупреждает его о том, что на него начнут давить начальник Бюро и заинтересованные лица? Ну, спасибо и на этом.

– Спасибо, – повторил он вслух. – Тронут. А почему именно я? Почему не Филимонов или еще кто-нибудь из ваших сотрудников? Кто вскрывал погибшую девушку? Почему вы ему-то не поручите дополнительную экспертизу? Ведь дополнительную поручают, как правило, именно тому, кто делал первичную экспертизу, разве у вас не так?

– А он в отпуске, – легко засмеялась Сумарокова. – ДТП произошло полтора месяца назад, через восемь дней девушка скончалась, вот тогда и вскрывали. С тех пор много чего произошло. А Филимонову я поручать не хочу. Поработаете у нас годик-другой – сами начнете во всем разбираться. А пока просто поверьте мне на слово. И в дополнение в качестве, так сказать, бонуса выдам вам еще один секрет или, как сказала бы наша Светочка, маленький гадкий секретик: Георгий Степанович, зная, что вы выполняете вскрытия у нас в морге, и вскрытия эти поручаю вам я, лично просил меня отписать эту экспертизу именно вам. Вероятно, он уверен, что с вами у него проблем не будет. Вы человек относительно молодой и относительно недавно у нас работаете, мало в чем разбираетесь, к начальству относитесь трепетно и уважительно и всегда пойдете ему навстречу. Так что смотрите, оправдайте доверие.

Глаза у нее были при этих словах грустными и строгими. Сергей подумал, что она, похоже, знает о его приятельских отношениях с Петром Андреевичем Чумичевым, влиятельным человеком на комбинате «Полярная звезда», и предвидит возможное развитие событий: если на Саблина не удастся надавить при помощи авторитета начальника Бюро, то подключится Чума, то есть в любом случае из Саблина можно будет вытянуть именно такое заключение, какое нужно.

Он забрал весь пакет документов, включая и материалы уголовного дела. Дополнительная экспертиза в данном случае – вещь несложная, потому что является на самом деле экспертизой по материалам дела, то есть не по живому лицу и не по трупу, а по совокупности данных о них обоих. Здесь не надо вскрывать, не надо проводить гистологические исследования, не нужно осматривать живого человека, здесь требуется внимательно изучить материалы уголовного дела в той части, где описаны фактические обстоятельства, и заключения экспертов по погибшей и выжившей участницам ДТП, нарисовать схемы и ответить на вопрос: кто же всё-таки сидел за рулем? Вроде бы ничего на первый взгляд сложного.

Но на самом деле для четкого и недвусмысленного ответа требуется огромная работа, нужно читать литературу, думать, сопоставлять и анализировать. И если первая экспертиза может закончиться всего лишь описанием травм и повреждений без каких-либо выводов, то при дополнительной этот фокус уже не проходит. Задан конкретный вопрос – будь любезен дать конкретный ответ. Везет тем экспертам, которые получают постановление о проведении экспертизы без этих самых коварных конкретных вопросов, тогда есть возможность обойтись без напряжения и укрыться за обтекаемыми формулировками. Вот и в случае с этим ДТП повезло обоим экспертам, что танатологу, что эксперту амбулаторного приема. А ему, Саблину, выходит, не повезло. В принципе экспертная задача была интересной, он любил возиться с информацией, читать, сравнивать, делать выводы, искать зацепки. И мог бы получить истинное удовольствие от порученной ему работы, если бы не одно обстоятельство. Обстоятельство противное и грозящее проблемами и нерво-трепкой.

Сергей начал готовиться к работе. Это был целый ритуал, разработанный еще во времена студенчества и практикуемый в основном в период экзаменационных сессий: сначала выкуривалась сигарета, потом не спеша заваривался чай, который он пил с лимоном и двумя ложками сахара, маленькими глоточками и непременно вприкуску с сухарями, которые можно было купить при любой остроте ситуации с дефицитом. Сушек должно быть съедено определенное количество – от пяти до одиннадцати, причем число обязательно было нечетным. В противном случае материал «почему-то» не усваивался. После чая следовала еще одна сигарета, посуда тщательно мылась, стол приводился в состояние девственной пустоты, и только потом на нем раскладывались книги, тетради, пособия и прочее. Все делалось неторопливо, со

вкусом, и к моменту завершения подготовительных мероприятий мозг приходил в полную боевую готовность. Эту привычку Сергей Саблин перенес и на профессиональную деятельность.

Первую сигарету в этот раз он решил выкурить прямо в кабинете, хотя обычно старался на рабочем месте не курить слишком много: в прокуренном помещении думалось тяжело. Летом, конечно, он постоянно держал окно открытым, и тогда можно было не выходить на улицу, но северогорский климат не баловал жителей длительным теплом, так что приходилось предаваться дурным привычкам на свежем воздухе или в курилке на первом этаже. Сергей позволял себе выкуривать в кабинете не больше пяти сигарет в течение одного рабочего дня: такая степень «прокуренности» ему работать не мешала.

Заварил чай, понюхал и поморщился: неужели нельзя было купить что-нибудь приличное, а не это лежалое сено? Чай ему покупала санитарка отделения гистологии, которой Саблин раз в месяц выдавал деньги с просьбой обеспечить всем необходимым его «чайное место». Но ничего не поделаешь, придется пить то, что есть. Мелькнула, правда, мысль о том, чтобы сходить к лаборантам и попросить хорошего чаю, но была немедленно отвергнута: ритуал нарушаться не должен, а выход из кабинета и разговоры с дамами это именно нарушение, которое приведет к рассеиванию внимания и ослабит сосредоточенность. Зато сушки оказались хорошими, такими, как Сергей особенно любил: крепкими, «неукусными», которые можно было только царапать и соскребать зубами.

Вторая сигарета тоже закончила свой недолгий жизненный путь в стенах кабинета заведующего отделением судебно-гистологической экспертизы. Теперь нужно разложить материалы в определенной последовательности: сначала те, что поступили от следователя, за ними – справочная и научная литература по травмам при дорожно-транспортных происшествиях, далее – собственные записи и конспекты лекций, прослушанных как во время учебы в мед-институте, так и на «первичке» по судебной медицине, и только в самом конце – заключение экспертов по участницам аварии. Именно так он привык действовать. Первым делом – представить себе фактические обстоятельства дела, нарисовать схемы, потом посмотреть, что по этому поводу есть в научных разработках, и только потом изучить действительное положение дел: должно быть ТАК, а на самом деле было КАК?

Когда-то, еще во время работы в Московском Бюро его подняли на смех.

– Да кто так работает? – говорили ему более опытные эксперты. – Надо сначала изучить материалы дела и экспертизы, а потом уже смотреть литературу, если что неясно.

– Я работаю так, как мне удобно, – огрызнулся Сергей.

– Но это же неправильно! Это методологическая ошибка!

– Главное, чтобы выводы оказались правильными, – упорствовал он. – А каким путем я к ним прихожу – это мое личное дело.

Однажды во время подобного «поучения» он добавил сквозь зубы: «*Mia tristeza es mia, u nada mas*». «Моя печаль – только моя, и на этом все». Этому выражению научила и его, и его маму Юлию Анисимовну тетя Нюта, не знавшая толком ни одного иностранного языка, но благодаря отменной памяти нахватывавшаяся разных фраз от своего полиглота-поляка. Коллега, которому посчастливилось услышать произнесенные вполголоса испанские слова, молча пожал плечами и отошел. Больше к Саблину никто с «методологическими ошибками» не приставал.

Итак, первое и основное: при серьезном ДТП именно для водителя характерно относительно небольшое количество телесных повреждений, потому что его тело зафиксировано между рулевой колонкой и сиденьем. А вот множество телесных повреждений характерно в первую очередь для пассажира переднего сиденья, тело которого в салоне автомобиля находится в расслабленном, не фиксированном положении. Стало быть, надо обратить внимание на различия в травмах у обеих девушек.

Второе: какие травмы являются характерными или специфическими для человека, находившегося на водительском месте, и какие – для пассажира? Например, разгибательный пере-

лом лучевой кости в типичном месте является характерным телесным повреждением для пассажира переднего сиденья, когда в момент резкого торможения или столкновения он с целью защиты вытягивает вперед одну или обе руки и упирается ладонями в переднюю панель или ветровое стекло автомобиля. А вот среди условно-специфических повреждений водителя во многих литературных источниках указывается травма в области левого локтевого сустава.

Разобравшись с этим вопросом, он нарисовал, заглядывая в материалы уголовного дела, две схемы в виде человеческих фигурок, над одной сделал надпись «Ирашина», над другой – «Щавелева» и указал на них зеленым фломастером места расположения и виды травм, которые должны были бы иметь место при описанных обстоятельствах и в соответствии с показаниями оставшейся в живых пострадавшей. Чисто теоретически. То есть ответил на вопрос: какие повреждения и у кого должны были быть обнаружены, если все было так, как написано в материалах следствия.

Затем пододвинул к себе акты судебно-медицинских экспертиз, внимательно прочел, сделал выписки и уже красным фломастером отметил на схеме места расположения повреждений у каждой из участниц аварии. А это получилась картинка под названием «КАК было на самом деле». Хмыкнул, потом улыбнулся.

Обе фигурки на схемах оказались двуцветными и почти зеркально отражали друг друга: то, что было размечено зеленым фломастером у одной, оказывалось повторенным у другой, только уже в красном цвете. И наоборот. Если Ирашина находилась на пассажирском сиденье, то у нее должен быть обнаружен косо-поперечный разгибательный перелом дистального мета-эпифиза левой лучевой кости (в типичном месте). А ничего похожего у девушки нет. Зато есть почему-то у погибшей Щавелевой.

Даже такой условно-специфический признак, как травма в области левого локтевого сустава, наличествовал. Правда, в «теоретическом» зеленом варианте он был у погибшей Щавелевой, якобы сидевшей за рулем, а в реальности оказался у выжившей Ирашиной. Сразу вспомнился читанный когда-то случай из экспертной практики, когда при тангенциальном столкновении автомобилей произошло разможнение выставленного в окно левого локтевого сустава у водителя. Хотя условия образования повреждения здесь были иными, тем не менее, повреждение выставленного в окно левого локтевого сустава прямо указывало на человека, сидевшего на водительском месте. Такая травма возникает в результате удара согнутой в локте рукой о левую переднюю стойку автомобиля, когда открыто окно со стороны водителя и локоть выставлен в проем окна.

При условии, конечно, что автомобиль был с левым рулем. А искореженная «Мазда» была именно такой. Теперь надо окно проверить.

Сергей взял уголовное дело, отыскал фототаблицу с осмотра места происшествия. Вот «Мазда» европейской комплектации с левым рулем, в деформированном проеме окна дверцы со стороны водителя не заметно ни целого стекла, ни его фрагментов. Почему? Да потому, что в момент аварии стекло окна здесь было полностью опущено внутрь дверцы. Стало быть, вполне можно предполагать, что левый локоть водителя мог быть выставлен в проем окна. И у пострадавшей Ирашиной, как отмечено в экспертизе, «открытый перелом локтевого отростка левой локтевой кости». Появлялись все основания утверждать, что за рулем автомобиля находилась именно дочка директора фабрики.

Он вспомнил разговор с Сумароковой и еще раз внимательно перечитал заключение эксперта амбулаторного приема по оставшейся в живых дочке директора обогатительной фабрики. Эксперт, которого Изабелла Савельевна, не скрывая сарказма, назвала принципиальным, ограничился шаблонными выводами о том, что «...имевшиеся у гр. Ирашиной О.И. повреждения возникли в результате воздействия тупого твердого предмета (предметов). В том числе возможно их образование в условиях дорожно-транспортного происшествия в результате удара (ударов) о детали салона автомобиля, при обстоятельствах и в срок, указанный в постановле-

нии. Данные повреждения в своей совокупности повлекли длительное расстройство здоровья более 21 дня и по данному признаку причинили средней тяжести вред здоровью...». Такие расплывчатые выводы характерны вообще для подавляющего большинства экспертиз живых лиц по всей России, особенно по делам о ДТП. Выводы ни к чему не обязывающие, тяжесть вреда здоровью установлена, отмечено, что повреждения могли образоваться при обстоятельствах, указанных в постановлении. А когда следствие придет к какому-нибудь решению и установит окончательно все фактические обстоятельства дела, то такое заключение эксперта отлично подойдет при всех вариантах. Иными словами, лицо, проводящее расследование, при помощи «советчиков» и «консультантов» из числа заинтересованных граждан принимает решение: кто должен оказаться виноватым. Затем под это решение подгоняются фактические обстоятельства, а если они подгоняются плохо, то их можно подкорректировать, придумать заново или удачно забыть. И вот к этой готовой, всем удобной и, не исключено, что хорошо проплаченной схеме прикладывается, как гайка к болту, расплывчатое заключение судебно-медицинского эксперта.

Большого от «принципиального» специалиста и не требовалось.

А теперь следователь задает дополнительный вопрос, который ранее перед экспертом поставить забыл или не счел нужным: кто сидел за рулем? И разгребать все это поручено Сергею Михайловичу Саблину.

Ах, этот знаменитый вопрос «Кто сидел за рулем?» Саблин вспомнил, что проблема «живые валят на мертвых» далеко не нова. Еще в монографии видного отечественного судебного медика профессора В.Л. Попова «Судебно-медицинская казуистика» он читал случай 1985 года о ДТП с участием мужчины и девушки. Машина совершала хаотичные движения, словно потеряла управление, натолкнулась на большой камень и перевернулась, пострадавших извлекали из-под нее (девушка под багажником, мужчина в салоне), девушка через трое суток скончалась, а мужчина, отделавшийся незначительными повреждениями (внешними, внутренними не было), утверждал, что за рулем была девушка. Так вот, эксперты мучались-мучались, но сумели-таки установить, что мужчина, кстати сказать, совершенно голый, сидел за рулем, а девушка, полностью одетая, полулежала на переднем пассажирском сиденье, и голова ее была на коленях у мужчины. Немудрено, что машина словно бы потеряла управление. Кто бы сомневался! И этот, с позволения сказать, джигит хотел сделать вид, что он совершенно голый спал на заднем сиденье, и девушка сама во всем виновата.

Ну что ж, через какое-то время Сергей был готов дать окончательный ответ, который лично у него ни малейших сомнений не вызывал. Прежде чем приступить к написанию документа, он посидел несколько минут с закрытыми глазами, прикидывая, успеет ли закончить его сегодня, или лучше вообще оставить составление акта дополнительной экспертизы на завтра. Он устал, голова побаливала, острота зрения падала, как бывало обычно после длительной напряженной работы. Нет, он сделает все сегодня. Почему-то казалось, что готовый и подписанный им документ словно поставит точку в наглой лжи, выдаваемой папиной дочкой Ирашиной. Лжи, которую не может опровергнуть несчастная погибшая девушка по фамилии Щавелева, оказавшаяся совершенно беззащитной перед деньгами директора фабрики и беспринципностью следователей и экспертов. И кто может теперь ее защитить?

«Таким образом, – писал Сергей в заключительном пункте выводов дополнительной экспертизы, – основываясь на изучении характера, количества и расположения телесных повреждений у пострадавшей гражданки Ирашиной и погибшей гражданки Щавелевой можно сделать вывод, что в момент столкновения автомобиля «Мазда 929» государственный регистрационный знак... с препятствием гражданка Ирашина находилась за рулем автомобиля (слева), а гражданка Щавелева на переднем пассажирском сиденье (справа)».

К заключению, помимо текстовой части, Саблин добавил собственноручно нарисованную схему – не обычную, из стандартного набора схем, использующихся в судебно-медицин-

ской экспертизе, а выполненную им собственноручно. Если следователю или судье что-то покажется непонятным в его экспертном заключении, иллюстрация поможет внести ясность. Он изобразил как бы автомобиль без крыши, где при виде сверху один человек был на водительском сиденье с выставленным в оконный проем локтем и лицом, опущенным на рулевую колонку, второй же, пассажир переднего сиденья, правой половиной тела и головы соприкасался с правой передней стойкой, а левая рука его с открытой ладонью была вытянута в направлении ветрового стекла. Расположение повреждений Саблин пометил крестиками.

Вот и все. Он уверен в каждом слове своего заключения, в каждой его букве. И пусть Георгий Степанович Двояк попробует оспорить хоть одну запятую.

О том, что оспаривать его заключение или не соглашаться с ним будет не начальник Бюро, а совсем другие люди, Сергей старался не думать.

* * *

Но первым, кто попытался надавить на Саблина, был, конечно же, начальник Бюро Георгий Степанович Двояк. Действовал он мягко, вызвал Сергея к себе и по-отечески укоризненно стал убеждать его в том, что для столь категоричного вывода при ответе на вопрос «кто находился за рулем» у эксперта оснований нет.

– Ваши выводы сугубо предположительны, – говорил Двояк. – Вы не можете установить достоверно, кто из девушек находился за рулем и является виновником аварии, это просто невозможно. А вы пишете свое заключение с уверенностью. Я попрошу вас переделать заключение и смягчить формулировки в выводах, это будет более корректно с научной точки зрения.

Сергей про себя улыбался и не мог понять, то ли Двояк валяет дурака, делая вид, что никогда не читал существующих научных разработок по определению места пострадавшего в салоне автомобиля, то ли действительно о них не знает.

– Мои выводы научно обоснованы, – твердо ответил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.